

ГАЙ СЕБЕУС

Летающая гол

Гай Себеус

Летающая голова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401463

ISBN 9785447474201

Аннотация

На земле их заботливо ждали. Изломанные падением с огромной высоты их, уже человечьи, бескрылые тела бережно подняли, обтёрли кровь, обернули в пелена цвета света. Тем же, чьи колена недовывернулись, помогли. Кузнечным молотом, а то и попростому, ударом ноги, довывернули. С человеческого на птичий манер. Похоронили сидя, по таганскому обычаю. Нахохленными, будто замершими в ожидании чьего-то зова.

Содержание

Ничего лишнего	6
1	6
2	7
3	9
Когда Чиста была ещё Мириной	11
1	11
2	13
3	15
4	17
5	19
6	21
7	23
8	25
9	27
10	29
Лучше бы тебе не родиться!	31
1	31
2	32
3	33
Полёты	35
1	35
2	37
3	38
4	40
5	45
Химеры-стриксы	46
1	46
2	47
3	48
4	50
5	51
6	53
7	54
Путь в Таган	56
1	56
2	58
3	60
4	61
5	63
6	64
Синий город	66
1	66
2	67
3	69
4	70
5	72

Танец огня	74
1	74
2	75
3	77
4	78
5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Летающая голова

Гай Себеус

Хорошо написано, это когда чужой человек охотно входит в хитросплетения твоей памяти, забыв о себе и о времени. И отпускает собственную голову на твою волю.

Подбрасываешь её ещё ты.

Но уносит её тем же самым ветром, что некогда заселил и твою память. И уносит дальше твоей! Уносит додумывать и до-вспоминать пробуждённое тобой: то прошлое, то ...будущее.

А если потом этот человек ещё и продолжит историю, запись которой ты уже начал, тогда цепочка неизбежно приведёт вас к открытию главных смыслов: ради чего же всё, что было и будет?

© Гай Себеус, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ничего лишнего

1

Нежно-пуховая дымка водяной пыли лежала на всём вокруг. Мглистая непогодь прилегла на землю, облепила её белёсой росой. Хранила-берегла пока от предстоящего восторга.

Но он прорвался!

Восторг долгожданным вымоленным светом полоснул плашмя по перьям крыльев. Крыльев, тяжело, будто по ступеням, взбирающихся на высоту.

И они отозвались тончайшим свистом синего цвета.

Атласной полосой спросил лиловый, отозвался аквамаринный, лазоревый сладко пропел о восторге причастности, убаюкав боязнь.

Стало легче. Много легче! Никаких обид! Всё должно быть правильно. Свет решительно окоротил все сомнения.

Божественные предки правы: красота – это ничего лишнего. Поэтому никак нельзя подвести...

Самый крупный ворон, чьё перо отливало узором драгоценнейшей хоролужной* стали, сложил крылья. Ах, сколько он знал о ней! А теперь его жизнь стала лишней...

Всей тяжестью прожитых лет устремился он к земле. За ним и остальные.

На земле их заботливо ждали.

Изломанные падением с огромной высоты их, уже человечьи, бескрылые, тела бережно подняли, обтёрли кровь, обернули в пелена цвета света.

Тем же, чьи колена недовернулись, помогли. Кузнечным молотом, а то и по-простому, ударом ноги, довернули. С человеческого на птичий манер. Похоронили сидя, по таганскому обычаю.

Нахохленными, будто замершими в ожидании чьего-то зова.

Вот так.

Бог Смерти в Крае Белоглазых тан не любил скучать.

2

Роженица страдала уже вторые сутки.

Чисту позвали, когда окончательно стало ясно, что сами родственники ей не в силах помочь, несмотря на отшлифованные из поколения в поколение навыки скотоводов, принимающих в период окота тысячи новорождённых.

Ягнят. Но не людей.

Женщина уже не кричала, не просила о помощи. Она явно умирала. Глаза были закрыты. Дыхание стало коротким, отрывистым и еле слышным.

Муж несчастной, привезя лекарку, вообразил, что теперь-то всё в порядке. Всё, что пошло не так, немедленно будет исправлено. Во всяком случае, его теперь никто не сможет упрекнуть в том, что он чего-то недоделал!

Он почти уважительно стащил старуху с коня. Почти на руках донёс до своей крытой повозки. Почти не толкая, внёс внутрь, без церемоний выпихнув наружу всех лишних и оказавшихся бесполезными родственниц. И с облегчением вздохнул, вознеся глаза в небо, благодаря всемилостивых богов, что жена ещё дышала еле слышными хрипами.

Но проклятая старуха и не думала поспешать!

Ворча, она медленно вылезла наружу и заковыляла к коню, на крупе которого остались её котомки.

Мужчина пробормотал проклятия! За что нещадно ляпнул себя по губам, – как можно осквернять богов в момент, когда они с женой особенно нуждались в их покровительстве! И трусцой помчался помогать.

Он снял узлы, которые были довольно весомы. Старуха, судя по её никчёмному виду, явно не дотащила бы их. Мало того, что она была очень старой, она ещё и выглядела не как все.

Выбеленный временем посконный балахон покрывал многочисленные фалды исподних юбок. Голова туго увязана белым платом, из-под которого свисали длинные седые пряди. А белеющие бельма незрячих глаз – это отдельный ужас!

Ну, кого она, такая, могла вылечить?

Сам он ни за что не позвал бы это чучело!

Однако жена, собравшись умирать, выразила последнее желание получить именно эту лекарку из посёлка Вечность, что под Тан-Таганом.

Оставалось подчиниться. Уважение к смерти в Краю Бога Смерти было у всех в крови!

Жена его была уже немолода и долгие годы не могла забеременеть. Он, отчаявшись дождаться потомства от когда-то красивой и страстно любимой, давно уж обзавёлся целым выводком собственных копий разных внешностей и возрастов. Все они вместе со своими матерями тащились в повозках вслед за его стадами.

Выводком детей и ещё более шумным выводком их матерей управляла она, любимая и бесплодная. Одни боги ведают, сколько страданий испытала она от своих дневных дел, от своих ночных мыслей!

Поэтому, когда её живот стал наливаясь соком завтрашней жизни, первое чувство, которое он испытал, было огромное облегчение оттого, что всё правильно в этом мире. Ему не было нужно ничего лишнего. Лишь бы всё было правильно, тогда можно быть спокойным.

Месяцы беременности так обновили их отношения, что оба чувствовали себя почти такими же счастливыми, как в самом начале начал, при первой встрече!

...И вот теперь она умирала от невозможности разродиться.

Сначала все эти многочисленные и бестолковые женщины суетились и хлопотали, всячески демонстрируя собственную ловкость друг дружке и особенно ему. Но время шло, а его готовность радоваться наследнику от любимой жены постепенно угасала.

Вместо неё в голову заселялись подлые, похожие на вылазки врагов, мысли о необходимости подготовки к похоронной церемонии.

Жена обессилевала и затихала.

Потом вдруг напугала его, внезапно открыв глаза на измученном лице и высказав пожелание получить лекарку Чисту.

В течение долгой совместной жизни жена дала ему много радости и много пользы. И не часто просила о чём-нибудь. Поэтому просьбы её имели вес.

Он немедленно собрался в путь, несмотря на ворох смущавших сомнений.

Найдёт ли он старую лекарку? А если найдёт, жива ли она ещё? Говорят, она дряхла, как само время. Успеет ли он обернуться, ведь путь неблизкий? Поможет ли эта Чиста? В уме ли старая?

Изначально это предприятие было столь же малообещающим, сколь трудоёмким. Но он утешал себя тем, что с исполнением последнего желания умирающей ему будет не в чем упрекнуть себя. Теперь уж точно, он сделает всё, что может. Остальное в руках всемогущих Богов...

...И теперь, до предела измученный тревогами, поисками и бешеной скачкой, он уселся под колесом повозки, чувствуя, как пот остывает на теле и на охлаждающей одежде. Столь же остывающей была надежда на благополучное окончание этой истории.

Вернувшись с лекаркой, он даже не взглянул на жену.

Зачем? Всё равно её надо будет хоронить. Тогда и насмотрится.

3

Чиста с помощью многочисленных суестьихся женщин вымыла руки и согрела их над огнём.

Она явно не видела своими бельмами. Но сразу подчинила себе бестолковость всех окружающих! Неизвестно, как ей это удалось?

Как угадывали они, чего она желает? Старуха просто протягивала крючья своих кистей, и вода тут же лилась на них. Эти кисти отмахивались от полотенца, и оно безмолвно исчезало. Костёрчик будто сам притянул её, а подростки, сторожащие огонь, тут же оживили пламя. Детей же, обыкновенно вякающих и беспрестанно требующих внимания, просто не было слышно.

Муж роженицы, наблюдая эти причудливые взаимодействия, так похожие на соблюдение всеми правил некоей неизвестной игры, даже грешным делом позавидовал старухе. У него самого не всегда выходило так скоро и эффективно добиваться желаемого от всей этой копошащейся оравы.

А старуха, не торопясь, сделала всё, что считала необходимым. Быстро и без лишних движений и слов. В добавок к белой повязке на лбу, пугая окружающих, она повязала такую же на челюсти, зацепив за крючковатый нос и уши.

Потом её на руках, во второй раз, внесли в крытую повозку с роженицей. Там лекарка жестами попросила всех не просто выйти, а отойти от повозки подальше.

...Тогда тишина, медля и выжидая чего-то, спустилась к ним, троем. Двум женщинам и младенцу, чей вход в этот мир сопровождался такой мукой...

Чиста помедлила ещё немного и, будто ощутив появление невидимого, но ожидаемого, вознесла кисти костлявых рук над головой страдальцы, будто грела их над огнём. Осмотрела закатившиеся глазные яблоки, горестно покачала головой. Потом растёрла руки и снова начала медленно опускать их на живот женщины. Костлявые кисти, словно пух, зависли в воздухе. Что ощупывали они там?

Ей определённо что-то не нравилось. Очень не нравилось!

Она хмыкала и фыркала под своей повязкой. Потом торопливо нырнула в одну из своих котомок и бережно вышелушила из обёрток что-то белое.

Это был ... крупный белый череп! К чему он был тут?

Если бы муж роженицы увидел манипуляции старухи, он непременно возмутился бы! И поспешил бы избавиться от выстарившейся дуры, чтоб не мешала готовиться к похоронам!

Но он в это время тихо сидел под колесом соседней повозки и, прихлёбывая белёсый тан, отходил от бешеной скачки. Синие сумерки сузили горизонт. По небу резкими росчерками носились летучие мышки. Он тихо любовался наливающейся небесной синевой.

О предстоящих хлопотах с телом жены он решил подумать позже, когда отдохнёт.

...Зато лекарка теперь видела всё! И худшие её предчувствия подтвердились. Ох, не зря было остановлено это дитя до рождения!

Закатное солнце резво пронзило основание черепа, наставленного на лежащую женщину. В черепном объёме луч раздвоился в глазницах и высветил невидимое.

Лучше бы ей не знать этого! Как теперь принимать решение?

Лекарку почти не волновало, что у ребёнка, застрявшего на границе Жизни и Смерти, судьба была славная, а смерть позорная, принудительная. Эка невидаль!

Устрашило старую, что славу ему принесёт не что иное, как человечья кровь! И много – горячей крови, стекающей с холодного металла!

...Может, не вмешиваться? Пусть угаснет с миром судьба его несостоявшаяся? Дать умереть одному, ради выживших многих-многих?

Ответы на подобные вопросы по силам лишь Богам.

Но нынче череп всей тяжестью обременял её руки.

Получив свою долю света, он стал почти прозрачным-призрачным, хоть и остался весомым. Будто этим заранее снимал с себя всю вину за решение, которое должна будет принять она.

Нечего сетовать, сама выбрала этот путь, сама за него схватилась!

Когда Чиста была ещё Мириной

1

Давным-давно, в самом начале своей жизни, когда она была ещё предводительницей амазонок и носила имя Славная Мирина, ей вместе со жрецами трёх приморских городов пришлось войти в одинокий шатёр.

Увиденное до сих пор стояло у неё перед глазами.

...Косая Сахмейка, с позором изгнанная из Тан-Амазона, обыкновенно такая стойкая и дерзкая, лежит на каком-то тряпье, надрывно рыдая. И не отрывает глаз от белой фигуры поодаль, изломанной ударом ножа в сердце.

– Он ушёл! Я не отпустила! Но он всё-таки ушёл от меня!

Рыдает она, вопит новорождённый детёныш меж её колен. Но слышней всего ...молчание мёртвого Седого Странника...

То, что он мёртв, было так же очевидно, как и то, что это он.

Знаменитая по легендам голубоватая кожа, белые волосы, на глазах впитывающие темноватую струйку, прокладывающую себе путь из-под лезвия. И ссохшиеся глазницы, год тому назад опустошённые Сахмейкой – это был единственный способ не дать ему уйти со своими!

Да, это тот самый Седой Странник. Заблудившийся посланец Богов!

Беспутной Косой Сахмейке, в самом деле, посчастливилось пленить столь диковинное создание! И детёныш, вероятно, был от него.

Однако, согласно обычаю амазонок, она обязана была, использовав, убить отца своего ребёнка! Почему же он жил до сих пор?

Эта Косая Сахмейка верна себе! Каждый поступок косой!

Наверняка, возмечтала выведать у него секрет общения со Стихиями! Амазонки всегда использовали пленников по полной. Но, видимо, попытки Сахмейки были безуспешны, судя по нынешнему состоянию этой троицы...

Жрецы, тоже никогда не видевшие посланцев Богов, разочарованно всматривались в обыденно белеющую фигуру, для удобства откидывали полог, впускали свет.

Лица их были скрыты крупными ритуальными масками Волка, Ворона и Змея, но потерянная властительных фигур, тем не менее, – была очевидна. Они переговаривались, с досадой обмениваясь взаимными упрёками: кто виноватей в опоздании и в том, что не застали добычу живой. Потом сконцентрировали внимание на ребёнке.

Галах, жрец Тан-Амазона, поднял его за ногу. С напряжением, как плети повители, оторвав тонкие руки вцепившейся Сахмейки.

Это был мальчик. И этим был обречён.

Мальчиков в Тан-Амазоне не выращивали.

Существовал целый ритуал по избавлению от младенцев мужского пола. Ритуал красивый, полный восхваления женского воинского мастерства. К тому же, младенец имел кровь Седого Странника. А здесь всем известно: было предсказание, предостерегающее о вероятной и весьма значительной силе его белоглазых потомков.

Жрецам не нужны были соперники, тем более сильные. Кроме того, они уже разрабатывали иные планы для себя, для этого края и его жителей.

Галах перебрал младенца так же, как и держал, за ногу, Гоуду, жрецу Тан-Тагана. И мать младенца поняла, что судьба его решена.

Тогда Сахмейка (она всегда была упрямецей!), прервав вой, подползла к трупу Седого Странника. Бережно сняла его руку с рукоятки и точным рывком, максимально щадящим тело, выдернула нож. Потом, горестно выдохнув, обессилено легла на остриё.

Жрецы застыли.

Ребёнок тоже замолчал, будто почувствовал, что ситуация в очередной раз круто изменилась.

Третий жрец, Гиер, взял ребёнка уже не за ногу, внимательно рассмотрел глаза, вздохнул.

– Теперь, со смертью матери, этот детёныш последний представитель рода.

– Значит, убить его нельзя?

– Опять прохлопали! Что за день! – жрецы с досадой потоптались.

Безмолвно выказывая ей, предводительнице амазонок, пренебрежение («Вот до чего довело твоё заступничество! Надо было вовремя Сахмейку убить! Что теперь делать со всем этим?»), Галах вышел вон. Другие жрецы молча последовали за ним.

Тем самым Мирине показали, что в принятии решения о судьбе младенца её участие было лишним.

Что ж, она и не навязывалась!

Тем более что сомнений и всяческих колебаний в её душе было больше, чем однозначных выводов.

Правильно ли она поступила, не дав в своё время казнить Косую Сахмейку? Ведь предательство заслуживало однозначного наказания – смерти! Тем более что богиня-воительница Афина, всемилостивая и справедливая покровительница амазонок, всё равно подвела Сахмейку к скорому и закономерному финалу.

Так стоило ли ради опозорившейся девчонки вступать в конфликт со всемогущими жрецами? От этого собственное положение Славной Мирины, как предводительницы амазонок, сильно покачнулось.

2

Жрецы ускакали. Забрав ребёнка и не взглянув в её сторону.

Мирина осталась наедине с двумя остывающими телами. Такими непохожими представителями разных миров!

Раздумывая, она не отрывала взгляда от божественной красоты лица Седого Странника. Даже пустые глазницы и смертная изломанность не в силах были разрушить неземной гармонии этой белой фигуры. По сравнению с которой Косая Сахмейка была просто неуклюжим степным зверьком.

Причудливы игры Создателей, решивших соединить их в столь немислимой комбинации!

Но, как бы там ни было, для этих двоих путь земных радостей был завершён. Теперь надо было открыть шатёр всем ветрам и степным зверям. Они довершат дело.

Хотя, ...прежде она должна сделать кое-что очень важное... Странно, что это не пришло в головы жрецам...

Она вынула из-за пояса двусторонний топорик-лабир. Привычными ударами отделила голову Странника. Ему голова уже не понадобится, а ей придётся ещё подумать над ней – амазонки ведь всегда использовали пленников по полной!

Потом, забыв, что браслета амазонки Косая Сахмейка была лишена, обшарила её сундучок. Браслета там, конечно же, не было.

Зато Мирина нашла два мутных бесформенных сгустка во флаконе с прозрачной жидкостью и плотно притёртой широкой пробкой.

Что это? Неужели...

Что ж... От Сахмейки всего можно было ожидать! – Это были остатки выстегнутых глаз Седого Странника!

Чудно... Над этим тоже следовало подумать...

Уложив свою добычу в мешок, Мирина вскочила на коня и больше не оглядывалась уже на одинокий шатёр, разорённый этим утром незваными гостями.

Довершить дело предоставлялось диким зверям.

Чиста всегда, даже когда ещё носила иное имя, умела правильно обращаться с останками.

Время, солнечные лучи и степные звери очень быстро очистили череп, некогда принадлежавший Седому Страннику. И от внутреннего, и от внешнего, уже ни на что не годного.

Позже она научится извлекать пользу и из содержимого черепов. И пожалеет, что предпочла форму содержанию. Но это будет позже, много позже!

Теперь же в её распоряжении была очень крупная ёмкость сложных очертаний. Выбеленная-белая, почти прозрачная.

Что с ней делать? Для чего можно использовать?

Это было пока непонятно.

Мирина задумчиво вертела череп в руках, и так, и эдак прикидывая. Не похоже, что это обычная кость!

На её взгляд, просто не могло быть иначе, чтобы в этом черепе не скрывался какой-нибудь секрет! Проблема была только в том, чтобы разгадать, какой!

Думалось ей особенно хорошо в закатных сумерках. Когда солнце заваливалось за горизонт, но небо ещё светлело синевой. Тогда ум обтекала грусть, бывшая первой предвестницей подключения к откровениям, находкам, к принятию очень важных решений!

Вот и теперь, держа в руках череп Седого Странника, Мирина ожидала пришествия понимания. Она была уверена, что вот-вот её осенит, снизойдёт озарение, и мучительные, тягостные «рысканья» по ветвям альтернатив можно будет прекратить за ненадобностью!

Мышление застопорилось на слове «озарение». Слово стучалось в голову бесцеремонно и назойливо. Как бабочка, бестолково бьющаяся в стеклянный бальзамарий с горящим внутри масляным фитилём!

Чиста затаила дыхание в предвкушении полётного освобождения головы от телесного плена, но...

...Но сосредоточенную тишину в её шатре нарушил гость. Незванный и нежеланный.

3

Это был Галах, жрец Тан-Амазона.

Явился как хозяин положения. Явился додавить, сломать её, непокорную!

Вот ведь как всё сложилось...

Она, Славная Мирина, предводительница героических амазонок, оказалась в полной власти этого чудовища! И с этим ничего нельзя было поделать!

С некоторых пор Мирина чувствовала, что любой её поступок был не столько её личной волей, сколько частью некоего весьма мощного потока, с немыслимым убыстрением уносящего её от привычной жизни!

А она-то думала, что ей суждена героическая смерть в бою – мечта всякой амазонки! Ведь что может быть прекрасней жизни короткой и яркой!

Но нет. Судьба вела её иными тропами... И встреча с Галахом оказалась одним из важнейших перекрёстков судьбы...

Удивительно, как в такое короткое время, свалившийся на голову неведомо откуда, её давний затаившийся враг смог, мало того, что стать жрецом племени амазонок, но ещё и оклеветать и выдавить её, предводительницу!

Какой тайной силой подчинил он волю её девочек? Но они слушались его, как заговорённые! Мирина ничего не могла ему противопоставить. Кроме собственной воли.

...И вот теперь она, вытянутая, как струна, стояла, не уходя с пути надвигающегося жреца. И наплевать, что обычно люди перед ним расступаются!

Галах досадливо поморщился: проклятье, как это может быть? Его воля на всех действует, всех подчиняет, кроме той, что нужна ему больше жизни!

– Думаю, ты поняла уже, что я тебя победил? – начал он, преднамеренно медленно выговаривая слова.

В ответ – лишь змеиный взгляд исподлобья.

– ...и не можешь не понимать, что отвоевалась. Твоё войско теперь в большей степени покорно мне, чем тебе. Ты ведь не осмелишься выступить в поход с таким войском, Мирина? – жрец под маской скептически скривился. – Похоже, твоей славе, Славная, пришёл конец! Не пора ли подумать о смене имени? Я ведь всё ещё готов предложить варианты!

– А ...дары?

– Что я слышу? – жрец вскинулся гадюкой в атаке. – Ты идёшь мне навстречу? Я не верю самому себе!

– И не верь! – молчаливо фыркнула Мирина. А жрец, услышав это (О, он умел слушать тишину!), в замешательстве опять не поверил. Но голос его от волнения зарокотал ниже грома.

– Какие дары ты, ...драгоценность моя, сочтёшь ...достойными себя? Золото, земли, рабы – всё к твоим ногам!

– Разумеется, лишь те, что достойны тебя, о, Галах: жреческие перстень, фибулу и браслет!

– Но ...людям не позволено использовать их!

– Так я – «люди» или «драгоценность моя» для тебя?

– Ах, Мирина, Мирина! Ради того, чтобы добиться тебя, я сломал свою судьбу, своё тело и свою душу! Не существует уже ничего большего, что можно было бы сделать! – Галах раздумчиво покачал головой. Мирина могла бы в этот миг даже посочувствовать ему, если бы не была абсолютно уверена, что о любви, даже если она когда-то и была, давно уже речи не идёт. Главная его цель: сломать её, подчинить, отомстить! – Хорошо, ты получишь требуемое. Но и ты уж, не обмани мои ожидания! Дай слово, что не обманешь!

Волна несла Мирину, она ответила прежде, чем успела обдумать ответ! Такого прежде не бывало!

– Я не обману твои ожидания, Галах! Я привыкла превышать ожидания, иначе мне не стать бы предводительницей амазонок, сам понимаешь! – Мирина с отвращением слушала собственный слащаво щебечущий голосок. Галах тоже с недоверием смотрел на женщину, которой добивался много лет.

Она никогда ТАК не говорила с ним!

Что с ней? Она прониклась чувством к нему? С чего вдруг после стольких лет бесплодной погони?

Она испугалась? Невозможно! Она – не боится ничего!

Галаха захлестнуло привычное восхищение.

Как она великолепна! Как она хороша и недоступна! Величественная, поистине царственная осанка! Черты лица и фигуры крупны и яркие; так смело начертаны Создателями, что сразу становится ясно: это существо рождено не прозябать, а править!

Как жаль, как нестерпимо жаль, что отказалась она стать его женой, когда он был ещё юным царевичем, избалованным победами! Вздорным и капризным подростком. И он сломался, лишь единожды не получив желанную игрушку – её, Мирину.

И с тех пор следует за ней, как тень, ежедневно продолжая ломать себя, стараясь принять любой невысказанный облик, лишь бы услышать от этой женщины хоть что-то, кроме отказа!

4

Их любовь-ненависть достойна легенд. И звучать они будут, наверное, так.

...Галей и Мирина столкнулись в битве, в которой её ловкость победила его силу. Тогда, убедившись, что славная амазонка – достойный его, царского сына, противник, он занёс меч и ...добровольно опустил у ног Мирины, покорившись ей.

Две армии были тому свидетелями. Свидетелями его добровольного унижения.

Ожидал он, что в обмен красавица снимет и отдаст ему пояс, – в знак покорности своему избраннику, как это принято у степных воительниц.

А она не пошла за ним, пожелав остаться предводительницей амазонок. Предпочла долю безбрачия.

От позора отвергнутый Галей ушёл из своего племени. Ослушавшись отца, он выбрал участь изгнанника.

Легенды красивы. Люди привыкли слагать их вдохновляюще. Им это необходимо для придания смысла жизни. Чтобы поддерживать себя, когда обыденность существования становится невыносимой.

К сожалению, в реальности всё складывается не так красиво.

Потому что в душе Галея был прах. Не помогла даже смена имени.

От Божественных Предков люди унаследовали обычай для каждой отдельной жизни иметь особое имя. Не смешивая их.

Галей тоже сменил имя. Правда, на похожее, став Галахом. Потому и перетащил из прежней жизни в новую всю злобу и ненависть. И жгучее желание отомстить за свой позор.

Он долго странствовал по разным странам на Востоке. Узнал там много тайн, изучил волхование. И однажды, вернувшись на побережье Амазонского моря под маской, спас племя амазонок, вылечил от неизвестно откуда взявшейся странной напасти. Да болезнь, собственно, не была болезнью. Просто какой-то морок!

Накануне важного боя все амазонки, как одна, стали замедленными и агрессивными друг по отношению к другу.

Галах подходил к каждой и резким окриком и непонятными словами, будто включал её. После этого они стали прежними: дружными и управляемыми.

Но с тех пор управляемыми не только предводительницей. Но и им, Галахом. Что и помогло ему вскоре стать жрецом.

А потом произошли события с амазонкой по имени Косая Сахмейка, случайно взявшей в плен Седого Странника.

Он требовал убить Сахмейку, отнять у неё Странника и пыткой добыть все его тайны общения со Стихиями. Тем более что Сахмейка вскоре забеременела от Странника. Сыном, наверняка, унаследовавшим тайную силу, от бесконтрольности которой невесть чего можно было ожидать!

Все слушались его, как зачарованные, и готовы были подчиниться. Галах добился бы своего, если бы на пути его снова не встала Славная Мирина...

...Тогда он отомстил, подняв бунт, обвинив Мирину в коварстве, в желании единолично использовать добытого Сахмейкой Седого Странника. А это расценивалось у амазонок как предательство...

– ... Что для нашего племени самое позорное? – жрец в крупной змеиной маске хитро подводил собрание Тан-Амазона к нужному решению.

– Трусость в бою!

– Предпочтение мужчины интересам племени!

– Предательство! – С последним выкриком подруги виновато подняли глаза на Мирину.

Торжествуя, Галах протянул руку за её браслетом в форме змеи.

Но не тут-то было! Мирина в ответ положила руку на топорик-лабир: попробуй, забери!

– Оружие жреца – слово, а не топор, – промямлил Галах. Однако в большей степени остановил увлѣкшегося жреца её змеиный взгляд исподлобья. Да ещё подруги-амазонки, все, как одна, сдвинувшиеся за спиной своей Мирины.

Как удалось им в этот миг вырваться из-под его влияния, так никто и не понял. Видно, так велика была преданность Славной Мирине, что пробила даже мутный морок Галаха!

– Традиции Амазона, вы преданы! – завопил тогда хитрый жрец.

Но делать было нечего. Грозя амазонкам всеми карами в будущем и не желая рисковать, он оставил изгоняемой из Тан-Амазона Мирине браслет. А значит, и возможность превращаться в змею – неотъемлемое природное право амазонок.

5

...Мирину затопило всплывшее в памяти чувство позора и беспомощности. Затопило до слёз...

И теперь этот назойливый подлец, главная трагедия её жизни, сидит перед ней и млеет от мечтаний!

Мирину передёрнуло от отвращения!

Но дело есть дело! Она других обучала самодисциплине – так что пришлось и себя пересилить!

Выпрямив спину, она требовательно взглянула в глаза растаявшего жреца.

– Пообещал? Выполни! Где твои дары?

Галах с удовольствием снял бы жреческую маску да расслабился с красавицей Мириной наедине! Но, покорный её воле, вздохнув, достал из внутренних складок плаща перстень с разверстой волчьей пастью, которым жители Тан-Аида превращались в волков, и фибулу – застёжку для плаща в форме пера, которой жители Тан-Тагана превращались в воронов. Потом снял с запястья собственный браслет в форме змеи. В открытой ладони всё это протянул Мирине. И склонил голову.

– Мучительница моя! В который раз уж падаю ниц перед тобой!

Та фыркнула, взяла только перстень и булавку-фибулу («Браслет у меня свой!») и скрылась за пологом. Вышла очень скоро, в белой рубашке с распущенными и подвязанными белым платом волосами.

Из-за полога волнами шли крепкие дурманящие дымы, а сама Мирина была будто пьяной.

Это было неслыханно! Не в обычаях амазонок использовать дурманящие напитки!

Заметив его возмущение, она возбуждённо пояснила.

– Это следствие бессонной ночи, проведённой в молитвах, обращённых к Трёхликой Богине Ночного Колдовства!

– Чего же ты просила у Богини? Может быть, я смогу дать тебе желаемое? Мои умения из стран Восхода тоже велики! – не удержался, чтобы не повысить себе цену в глазах любимой женщины Галах.

– Ах, ты и так дал достаточно, чтобы у меня всё получилось! – Мирина потянулась за двумя белёсыми стеклянными чашами, слабо светившимися в углублении молитвенной ниши. Причём, для этого ей пришлось наклониться и задеть Галаха грудью. Всякая настойчивость окончательно покинула разомлевшего жреца.

Чаши было две.

Галах размечтался, что она ждала именно его, чтобы вдвоём выпить чашу примирения, а может быть и любви...

Но Мирина, взяв таганскую фибулу, начала тайный заговор с использованием совершенно нехарактерных для змей-амазонок тончайших, синих звуков. Потом махом глотнула содержимое одной из чаш и движением сверху-вниз воткнула фибулу себе в темя.

Тело её качнулось и даже марево на миг, ...будто размыло его...

...Галах рванулся поддержать, но она змеиным шипением остерегла: не прикасайся! В некоторой растерянности он осел.

После её длинные пальцы овладели танаидским перстнем. Только звучание тайного заговора на этот раз было белое, однообразно шуршащее, словно бесконечно сыпавшийся с обрыва песок.

Второй глоток завершился поворотом ритуального перстня и положил конец его иллюзии о «чаше примирения». Но, странно! – не насторожил.

Только инстинкт барабанил изнутри, настаивая на срочном спасении! Сам не зная зачем, он крутанул свой змеиный браслет на запястье и скинул уязвимое человеческое обличье. Змеем он чувствовал себя увереннее. Единственно, снизу было плохо видно, что она проделывает.

Повернувшись к жрецу спиной, Мирина продолжала неведомый ритуал. Говорила-приговаривала, шептала-обещала, будто обрекала себя на что-то...

Почему же ему так тревожно?

Может быть, пора уйти, исчезнуть, раствориться в ночной темноте? – тело настоятельно просилось куда угодно, лишь бы не оставаться в этом, полном тайных дымов и заговоров, месте!

Ну, надо же! Встреча так хорошо начиналась! Как жаль терять отвоёванные, почти ...доверительные отношения! И Галах решил ещё немного подождать. Совсем чуть-чуть. Но быть настороже, не сводить глаз с Мирины. Это было нетрудно. Его глаза готовы были упиваться созерцанием любимой бесконечно!

Тут пространство, которое занимало тело Мирины, скрутилось винтом...

И на миг, на самый краткий миг, Галах вновь возмечтал, что Мирина решила вслед за ним превратиться в змею...

Что ж, любовь двух змей полна шёлковых прикосновений и волшебной неги! Он был не против!

Занятый собственными чувствами, он пропустил точку невозврата.

А она...

Как он, влюблённый глупец, мог расслабиться в её присутствии! Будто бы она хотя бы раз давала ему основания к этому!

...Тело Мирины не зазмеилось серебром, оно выбрызнуло ...чёрные перья!

И реальность, в которой пребывали они оба, мучительно застонала...

Став ...вороном (вот для чего она просила жреческую фибулу из Тан-Тагана – города воронов!), она схватила змеиное тело Галаха, вынесла из шатра и, несколькими мощными рывками обширных крыльев поднявшись ввысь, с маху сбросила на камни!

Осторожно спланировав, присела. Убедившись наощупь, что змеиный череп назойливого жениха расколот, тяжеловатым вороньим скоком разогналась и быстро набрала высоту, где поймала воздушную волну, несущую её прочь от родного Тан-Амазона.

Дальше всего от него и был вороний Тан-Таган. Там она и решила поселиться.

...Будучи Мириной, она ещё не знала, что процесс истекания жизни из расколотого черепа обратим.

Как не знала и мудрейшего и могущественнейшего жреца Тан-Аида – Гиера. Для которого превращение всех этих процессов в обратимые – было не сложнее самого дыхания.

6

Гиер, престарелый жрец Тан-Аида, очень быстро понял, что, поспешно уйдя из шатра Сахмейки с младенцем на руках, они упустили что-то важное.

Он был чрезвычайно умён и опытен как жрец.

Седой Странник был для них, конечно, потерян навсегда. Ушёл, ушёл в смерть, хитрец! И назад было не вернуть – вот ведь незадача! Как могла Сахмейка не уберечь от него нож! Одно слово: косяя!

Вообще-то Гиер умел возвращать из смерти, но в данном случае, он понял – не выйдет! Седой Странник всё предусмотрел и сумел уйти безвозвратно!

Жаль, смертельно жаль! Но можно было хоть как-то использовать его ценнейшую голову, вернее, череп! Как это он, Гиер, сразу не сообразил!

Он ведь знал, что череп это не простоместилище мозга!

Череп – чрезвычайно сильная сакральная вещь! Многие совершают ошибку, предпочитая содержание форме. Но что является определяющим между формой и содержанием – неведомо даже мудрейшим! Не случайно форма дольмена (полого камня) настолько могуча, что позволяет даже путешествовать в Пространстве и Времени!

Конечно, это не то же самое, что вольготное путешествие Седых Странников по Мировому дереву! Но всё же – лучше, чем ничего!

Так что очень скоро Гиер сообразил, что оставил неведомо кому ценнейшую вещь.

Вернувшись и найдя разнесённые по степи обглоданные зверьём кости, с уверенностью установил, что голова Сахмейки никому не понадобилась, а вот голова Странника исчезла бесследно.

Гиер был умён.

И путём некоторых логических умозаключений понял, что раз последней из этого шатра уходила Славная Мирина... А Славная Мирина не стала бы предводительницей амазонок, не будь она щедрейшим образом одарена всемилостивейшими Создателями!..

...Стало быть, череп у неё!

Гиер всегда славился проницательностью! Но напрямую не смел отнять то, к чему имел интерес. Поэтому активно поддержал Галаха, давно мечтающего взять верх над ней.

Мирина униженная, Мирина, с позором выгнанная из Тан-Амазона, стала лёгкой добычей. Теперь-то он легко мог заявить свои права на череп Седого Странника! А при необходимости и надавить на неё обвинением в покушении на жизнь Галаха, жизнь которого он, правда, сумел восстановить. Но Мирина-то об этом ещё не знала!

Покушение на жизнь жреца заслуживает смерти! – внутренне готовился к разговору Гиер. Она попала в сети законов побережья, посвящённого Богу Смерти!

Маска скрыла его усмешку: он по привычке всё ещё именуется эту женщину Мириной!

Славная Мирина, могущественная предводительница амазонок, уже стёрта с лица земли! Осталась лишь никчёмная, никому не известная изгнанница Чиста! А такому слабому существу не к лицу владеть столь сильной вещью, как череп самого Седого Странника!

Да и шатёр её был не ровня шатру предводительницы амазонок. Так, что-то среднее между жалким шалашом и не менее жалкой землянкой. Так ей и надо! Пусть знает своё место!

...Внешность бывшей предводительницы амазонок настолько изменилась за время, прошедшее с их последней встречи, что жрец оторопел.

Могучие загорелые плечи и длинные мускулистые ноги, прежде открытые любому взору, были скрыты белёсой посконной рубахой. Волосы, подобные беспокойной гриве диких кобылиц, увязаны белым платом.

Но больше всего изменилось лицо.

Оно враз постарело на много-много лет. Под глазами залегли тени, щёки ввалились. Взгляд, раньше такой прямой и открытый, будто прикрылся ставнями век, и ушёл в глубину...

Да, перемены в судьбе сделали её другим человеком! По сравнению с прошлым – человеком никчёмным. Что ж, остаётся надеяться, что, утратив облик воительницы, она более мирно, по-женски бессильно, согласится с его требованием.

...Чиста спокойно выслушала жреца, это обнадёжило его. И предложила, прежде чем расстаться с черепом, совместно убедиться в его таинственных свойствах.

Гиер был стар и склонен экономить время, затрачиваемое на исследования. Ничего дурного не будет, – рассудил он, – если я выслушаю эту неудачницу! Недаром захватила она голову Странника, наверняка, до чего-то уже докопалась! Пусть и этим поделится! Должна же и она на что-то путное сгодиться!

Чиста зажгла эллинский светильник, стоящий позади черепа.

Ночная бабочка немедленно припорхнула и заколотилась, как безумная о стекло светильника. Чиста бережливой рукой ухватила пленницу собственных иллюзий и выбросила в ночь, плотно запахнув за ней полог.

Свет безмятежно пересёк черепное пространство и вышел через пустующие глазницы. Тут Гиер увидел в зеркалах, прекрасно отполированных медных зеркалах, кроме собственного лица в маске Волка, ...ещё два, явно живых, существа, витающих за его собственными плечами! Которых реально за его спиной не было! И о наличии которых он прежде совершенно не подозревал!

Они были в форме крыльев! А то вдруг эти крылья становились похожи ...на морщинистые мимикой лица младенцев!

Причём, за правым плечом гнезилось едва различимое беловатое существо. По виду довольно слабое. А за левым – тоже полупрозрачное, темноватое и значительно крупней.

Это было непонятно.

7

Но задавать вопросы ...э-э ...бывшей Мирине не хотелось, хотя у неё, явно, уже были какие-то ответы. Проще было забрать череп и разобраться самостоятельно.

Но только он протянул руки, не удостоив известить хозяйку о своих намерениях (слишком много чести!), как получил хлёткий удар змеиным хвостом! А к лицу его стремительно приблизилась змеиная голова с угрожающе разверстой пастью! Ядовитый зуб отжался от нёба и изготовился приступить к делу...

...Что же, – подумалось ему, – хозяйка хоть и неудачница, но, следует отдать ей должное, навыков амазонки не утратила! Реакция что надо!

– А кто тебе сказал, что я неудачница? И кто тебе сказал, что я намерена отдать тебе череп? – очевидно, ...послышалось Гиеру. Но не могла же эта негодяйка слышать его мысли!

Гиер понял, что следует сменить тактику.

– Послушай, ...м-м... как там тебя, ...мне понятно твоё нежелание расстаться с этой занятной вещицей. Но для тебя она м-м... – забава, а для меня, жреца, может быть весьма могучим подспорьем в ...общении с народом! Ты ведь не забыла ещё своих навыков вожака! Ты ведь понимаешь меня? Ты согласна со мной?

Гиер сквозь прорези в маске завораживающе смотрел прямо в змеиные глаза Чисты. Мягко пружиня, она покачивалась перед ним. И вдруг он снова услышал, нет, не услышал, потому что уши его были ни при чём. Он просто понял, ЧТО она хотела сказать!

– Не дурачь меня! Я видела то же, что и ты! Никакой заботой о своём народе это и не пахнет! Твой тёмный ларв, тот, что за левым плечом, выдаёт, насколько мало ты сейчас озабочен благом своего народа! Тебя распирают иные мечты!

Вот нахалка! – Гиер усмехнулся. У неё не было ни единого шанса не то что отбиться от него, но и просто ускользнуть! Несмотря на ядовитый зуб, готовый к атаке! На что она надеется? Она хочет навлечь на себя его гнев? Что ж...

Гиер мягко коснулся своего перстня и ...встал перед змеей матёрым волком с взъерошенным загривком. Его волчьи челюсти, подобно молнии, знающей, что гром неизбежен, уже предчувствовали, как через несколько мгновений хрустнет её змеиный череп...

Но он снова ошибся. И поздно понял, что ошибся! Его ум вдруг, как начисто промытое стекло, оценил нарастающую угрозу! Но...

...Подлинное чудо трансформации уже предстало перед ним!

Змея зашипела, словно горячим воздухом дохнула, извернулась, и пространство перед Гиером свернулось обликом...

...Нет!

Этого просто не может быть! Амазонки не умеют, не должны!.. Кто дал ей право?..

...Нет, постой! ...Кто дал ей ВОЗМОЖНОСТЬ волко-превращения? Это ведь привилегия танаидов! И посвящает в неё только лично он, сам жрец танаидов Гиер!

Как могла амазонка Мирина стать ...волчицей? Могучей красавицей волчицей, молчаливо скалившей сейчас желтоватые клыки прямо ему в морду?

Волк по природе своей никогда не убьёт волчицу, и природное движение – отстраниться – стало у Гиера первой реакцией. После этого он понял, что теперь череп ему не получить...

Проклятье!

От злости спотыкаясь о камни, Гиер трусцой пробирался к себе в Тан-Аид. Пробирался ни с чем!

Проклятье! Как мог он недооценить предводительницу амазонок! Даже бывшую! Обвела вокруг пальца двух жрецов! Хороша змеюка, надо отдать ей должное!

А он, Гиер, тоже хорош! Так оплошать! Ведь знал, идя к ней, что из жрецов не первый навещает изгнанницу Мирину! Ведь он знал, чем окончился визит к ней Галаха, он же оживлял его!

Но как можно было предположить, что этот влюблённый болван в чём-то способствовал ей! А иначе – откуда бы она получила возможность волко-превращения?

И ведь молчал! Хоть бы этим отблагодарил за возвращение к жизни! Лежал бы сейчас как раздавленный червяк, если бы не помощь его, Гиера! Которому тоже нет никакого расчёта расходиться на восстановление чужой жизни, когда у него собственная-то на исходе!

Мог бы в благодарность предупредить об обновлённых возможностях Мирины! А не сказал, наверняка ведь, из-за того, что она, подлюка, именно его и использовала! Тогда уж точно: Галаху нечем было хвастаться!

Но, даже если это так, полученная Мириной способность явно превышала возможности Галаха! Тогда как у неё, проклятой, это получилось?

8

Чиста здорово рисковала, делая ставку на то, что сможет проглотить глаза Седого Странника, неведомо зачем сохранённые Косой Сахмейкой.

Белые глаза, изувеченные и не давшие Страннику уйти в закат, но не утратившие, тем не менее, остатков своей тайны, своей чудной волшебной силы...

Будь Чиста в своём знакомом змеином теле, глоток не составил бы никакой проблемы. Ей приходилось проглатывать добычу и покрупней. Но человечья глотка не приспособлена к столь экстремальным вторжениям. И теперь ей всё ещё казалось, что оба проглоченных глаза так и стоят у неё в горле, не желая провалиться в глубину тела.

Умом Чиста понимала, что это не так. Её тело приняло плоть Седого Странника в себя, поскольку обогатилось вороно- и волко-превращением. Только никак не могло смириться с чужеродным кипением возможностей огромной силы. И по сей миг всё ещё корёжилось от изумления, сжигая болью каждую кроху естества...

...Оставшись одна, Чиста сперва восстановила человеческий облик, перетряхнулась по-звериному, сама не поняв, на кого из зверья она, змея по природе, стала больше всего похожа. Мельком, проходя, глянула в зеркало, недовольно фыркнула: да, узнать своё привычное человечье обличье теперь сложно: от облика Славной Мирины почти ничего не осталось. Что ж, значит, вовремя она сменила имя.

Отныне у неё будет иная жизнь. Только вот какая? И насколько продлится она при наличии столь могущественных врагов?

Впрочем, сколько ни горюй, ни сетуй, а пора подумать о потребностях своего брэнного тела, порядком истощённого чередой превращений. Надо бы костерок развести, да приготовить чего-нибудь поесть.

...Вечер был сырым и ветреным. Сухой прибрежный камыш, за лето прокалённый солнцем, с треском пытался сопутствовать мощным воздушным потокам. Купы деревьев в ближнем лесочке трепались на ветру, как безумные.

Смятение было и в её душе.

Но отдаваться страху или жалости к себе не хотелось, надо было занять себя чем-то практическим, хотя бы поисками еды, что ли.

Она могла бы напиться, будучи и змеёй, и вороном, и волком. Это было бы гораздо проще: добыть мышь, лягушку или отыскать в камышах гнездо с яйцами или чьими-нибудь мелкими детёнышами. Хищникам в степи по обе стороны реки Тан найти пропитание не сложно. А с её навыками военных хитростей – тем более.

Но что-то удерживало Чисту. Она и раньше-то не любила подолгу оставаться в зверином обличье. А теперь – тем более не хотелось. И не только из-за физической боли, сопровождающей превращения. Быть человеком выходило голоднее и опаснее, но она предпочитала быть человеком.

В основном из-за возможности думать и чувствовать по-человечьи.

Странно говорить об этом, потому что пользы ей это не принесло. Спрятаться бы сейчас от всех обид и опасностей, ну хотя бы в змеиную шкуру, заползти в камыши и затаиться! Такой соблазн!

Но она любила думать и чувствовать по-человечьи и очень дорожила этой своей способностью. Любила перебирать различные варианты мыслей, впечатлений, случайных ассоциаций.

При этом ей казалось, будто она ...путешествует по тому самому Мировому дереву, по которому путешествовать дано только самим Создателям да Седым Странникам! Но не людям!

...Голова её с готовностью отправлялась в полёт за мечтами, за звуками и запахами. Иные реальности заманивали и увлекали в себя. Иные воплощения создавали иллюзию немислимых возможностей! Иные мысли и чувства высвечивали многое, дарованное щедростью Создателей, но неиспользуемое людьми.

Так приходили к ней откровения: от собственной ...летающей головы...

Ей очень нравилась эта аналогия, и отказываться от неё она не собиралась! Хотя рассказывать кому-то об этом было нельзя! Большинство людей её просто не поймут и ославят как безумную. Ведь обычно люди не только голову в полёт боятся отпустить, но и попросту крыльями-то махать не умеют! Бедные-бедные!

Конечно, в превращении в зверя тоже были свои преимущества и недоступные человеку чувства и свойства. Но восторга причастности к Создателям – в звериной шкуре она не испытывала никогда!

Превращение в ворона и волка здорово выручило Чисту на этот раз, когда пришлось отбить своё право владения черепом Седого Странника. Превращение в змею – не раз выручало раньше, в бытность амазонкой.

Но в любой жизненной игре она привыкла делать главную ставку на себя как на человека. Привыкла идти на поводу у своих произвольных мыслей, чувств, мимолётных ощущений. Привыкла доверять тому, что люди называют интуицией.

В бытность предводительницей амазонок, именно благодаря этим невнятным мимолётностям, ей в голову не раз приходили спасительные решения. Это привело ко многим победам, прославило, добавило к имени Мирина – Славная.

9

Куда всё ушло? – горестно задумалась Чиста. – Что будет теперь?

Усталость навалилась, сломав горделивую осанку. Голова поникла, вздохи не облегчали тяжесть, теснившую грудь.

То, что костерок собрался угаснуть, она заметила лишь, когда чужие руки подкинули в него сухого камыша и веток. Вздрыгнув от неожиданности, Чиста подняла взгляд: как же она не услышала, что кто-то подкрался к ней? Плохо, очень плохо. Видно сильно разлеталась её голова...

Перед ней стояла девочка-подросток с пучком иссиня-чёрных волос на темени, в посконной рубахе, подпоясанной плетёным шнуром – кто она?

– Я светица, – ответила её мыслям девочка тоненьким голоском. – Мне нужна твоя помощь.

Она приподняла рубаху, открыв ноги. Они были худые, как палочки, и чёрные. Но не от грязи. Вернее, не только от грязи. Они были обгорелые! Просто обугленные!

– Боги! – задохнулась Чиста. – Как на этом можно ещё и ходить! Приляг скорее! Как же это с тобой произошло! У вас дома был пожар?

– Нет, не пожар. У нас был урок, – ответила девочка благонастным голоском. – Жрец Гоуд обучал нас ходить по углям. Я многое умею. Но по углям – у меня выходит хуже, чем у других. А признаться боюсь. Выгонят из светлиц. Поэтому терплю. Мне нужна твоя помощь. Кое-что у меня, конечно, не получается. Но чувствовать получается хорошо: я чувствую, ты можешь мне помочь. – Последние слова были еле различимы, потому что малышка сникла и увяла.

Чиста взяла в ладони её бледное личико, попыталась хлопками привести в чувство, но безуспешно. Меж бровей девочки яркой родинкой рдел знак таганских светлиц. Его выжигают каплей раскалённого металла в момент посвящения. Светица – это доля, избранная на всю жизнь, так же, как тана в Тан-Аиде.

Девочка лежала безжизненным ивовым прутиком.

Чиста метнулась к своим походным котомкам. Привычки воительницы не подвели её. У неё могло не быть в запасе еды. Но белая и чёрная вода для лечения ран были всегда!

Сперва надо ополоснуть от грязи ожоги этой бедняжки. Но в молодом хозяйстве Чисты не было пока ни единой ёмкости, чтобы принести воды! Ни котелка, ни миски, ни бурдюка!

Тогда Чиста схватила череп и со всех ног помчалась к реке.

Омыв с помощью нескольких пробежек ноги девочки от налипшей грязи, она тоненькой бережливой струйкой полила на них сначала чёрную воду.

Результат очень обнадежил. То, что прежде представлялось обугленными палочками, отдало в окружающее пространство шипящие завитки белёсых дымок и, слава Создателям! – поднялось восстановившейся плотью. Пока бездеятельной. Тогда Чиста такой же тоненькой струйкой полила на них из белого флакончика.

Девочка шевельнула пальчиками, будто испытывая: будут ли служить? Пальчики служили. Глоток белой воды из заветного флакончика ещё больше взбодрил малышку.

Только Чисту обеспокоило, почему им не вернулся обычный цвет здоровой человеческой плоти? Ножки девочки оставались бледными до голубизны! Будто мёртвые! Будто кожа ... Седых Странников!

Череп Седого Странника! Вот в чём причина!

Она ведь омывала раны бедняжки водой из черепа! И ноги замечательно быстро ожили, даже быстрее, чем она ожидала! Словно могущественные Странники приняли участие в спасении таганской светицы!

Выходит, череп совсем не так прост, и в нём столько неожиданностей, что изучать и изучать!

И Чиста ещё раз порадовалась, что сообразила захватить голову Странника из одинокого шатра в степи.

10

Так они познакомились с Агнией, юной светицей, хранительницей огня из Тан-Тагана. А благодаря Агнии, и с другими светицами. Оказав помощь да пару раз дав дельный совет, Чиста оказалась безвылазно втянута в лѣкарство.

Отказывать несчастным было не в её характере. Кроме того, у неё неплохо получалось. И слава о её умении, словно ветром, разнеслась по степи. Она собирала травы, корни, камни. Прислушивалась, принималась, спрашивала стариков.

Она навсегда запомнила тот день, когда поняла, что её лѣкарство теснейшим образом связано с древним круговым календарѣм в посѣлке Вечность. Всё, делаемое прежде интуитивно, теперь получило могучее подтверждение.

Древнейшее знание о вещах, недоступных обыденному сознанию, было воплощено в посѣлке Вечность в гигантских концентрических кругах, выстроенных камнями, растениями, струями песка и воды, которые находились между собой в непостижимом взаимодействии, соответствующем взаимодействию звѣзд и планет на небе. Называлось всё это гигантское построение – Коловороты.

Откуда у жителей Черноморья эти знания, никто не знал. Принято было считать, что от Божественных предков.

Хранителями древних знаний были жрецы. Встречаться с ними, ей, конечно же, не хотелось. Но, с другой стороны, Коловороты принадлежали всем жителям Края Белоглазых тан. А к тому моменту, когда она решилась появиться в посѣлке Вечность, ею наработан был такой безупречный авторитет целительницы, что ни Галах, ни Гиер просто не посмели припомнить ей последнюю враждебную встречу.

...В тот вечер они с Агнией поужинали несколькими сладкими корешками, запечѣнными на костре – походные навыки выживания в очередной раз выручили Чисту.

И снова череп занял все её мысли.

Чуткая Агния, отдыхая и набираясь сил, попросила рассказать что-нибудь. Какую-нибудь сказку.

– Я слышала о живой и мѣртовой воде. Мне повезло, что у тебя они оказались! Но я видела, что результат тебя удивил. Чем же? И почему сначала льют чѣрную воду, а потом белую?

– Сказку, так сказку. Ну, слушай. Ходит у нас по степи вот такая небылица о ларрах и ларвах. Первые питаются живой водой, вторые – мѣртовой. Поэтому всегда сначала восстанавливают тело – обиталище практичного ларва, он быстрее мечтательного ларра. Да и возвращается первым. Поэтому и начинают с чѣрной воды.

– А проверь моих ларра с ларвом! – девочка не шутила, она в самом деле сразу поверила Чисте. – Мне интересно.

Чиста согласилась, ей тоже хотелось испытать светицу.

...Костерок вѣл себя как живой. Напитав своих создательниц простенькой едой, поник, притих и лишь слегка попыхивал алым. А, продышавшись, затихал, бархатно чернел, и лишь теплое дыхание выдавало то, что он ещё жив и готов служить.

Чиста подкормила огонь лѣгким камышом и ветками. Впустила его свет в затылочное отверстие черепа, попутно удивившись, что кость всё менее становится похожа на саму себя: прозрачнеет и тяжелеет.

Свет, сквозь пустые глазницы, дружелюбно прильнул к светице.

Чиста облегчённо вздохнула. Сама она не боялась неожиданных свойств вещей и людей, но с некоторых пор не считала себя вправе рисковать слабыми и беззащитными.

...И это она! Которая была не просто воинственной амазонкой, но предводительницей! Хитрой, коварной, взыскательной, а порой и жестокой! Как всё переменилось!

– Ну, что? Как там? Что ты видишь? – Агния, нетерпеливо прикоснулась к рукаву, спугнув воспоминания.

– А? Да! Сейчас-сейчас! Повернись-ка! – Чиста откинула волосы с лица девочки, и выставила череп поровнее. Ларр и ларв световыми бликами тут же присели на тонкие плечики.

Чиста не пожалела, что потратила драгоценнейший запас живой и мёртвой воды ради этого ребёнка. Её ларр был светлейшим! В ней был гигантский потенциал служения жизни! Растерявшая своих подруг Чиста порадовалась появлению очень близкого по душе человека. Девочка воспряла и повеселела.

– Скажи, а сам человек в силах выбрать, ларр или ларв будут сильнее в его судьбе?

– Думаю, не в полной мере. С какой судьбой родится человек – зависит от того, ларр или ларв были активнее при зарождении и при рождении. А бывает, они равносильны. Пожалуй, это оптимально, в силу равновесности, – высказав это утверждение, Чиста сама задумалась над ним.

Тогда она не могла ещё знать, что, возможно, именно эти слова накликают на неё тяжкую судьбу нынешней хранительницы гривны равновесия. А эту девочку прозовут впоследствии Агния-синеножка. Именно она научит свою спасительницу многому важному.

Ни одна встреча не бывает случайной...

Лучше бы тебе не родиться!

1

...Давно это было, очень давно. Ещё до Великой катастрофы и до последующего восстановления Черноморья.

...И вот теперь, через много-много лет прошедших с той давней встречи, за спиной у мучающейся вторые сутки роженицы старая Чиста видела сильного, иссиня-чёрного ларва и еле заметного, как дуновение воздуха, светлого ларра.

Но это было ещё не самое плохое.

У младенца, пребывающего пока что в чреве матери, ларр вовсе не просматривался. Тогда как чёрная туча за левым плечом нависала угнетающе.

И это был тупик. С подобным лекарка ещё не сталкивалась.

Она беспомощно свесила руки.

Должна ли она, как целительница, способствовать появлению на свет подобного человека? Человека, который, как она видела в свете, данным ей черепом Седого Странника, принесёт в мир множество зла и будет причиной великого множества смертей?

Как понять ей своим слабым человеческим умом указание Создателей? Может быть, то, что эта женщина находится нынче при смерти, и есть их недвусмысленное решение? А она, Чиста, своим вмешательством вступит в противодействие с ним?

Танату, Богу Смерти, посвящены были земли Черноморья. Долгие годы столицей земель был соседний Тан-Аид, светлоглазые дочери которого, называемые Белоглазыми танами, и поручили ей гривну равновесия. Это было ритуальное шейное украшение с двумя камушками: чёрным и белым. Белоглазые таны были почти изведены жрецами Тан-Аида, превращены в каменные истуканы на холмах. Только одной из них, Петал, удалось скрыться за море. Петал заботилась о своей родине даже на расстоянии. Но тут даже она ничем не могла помочь.

Чиста решительно не хотела больше служить Богу Смерти и помогать рождению убийцы. Достаточно пролил крови её топорик-лабир за время бытности амазонкой!

Слабость накатила на лекарку. Она так стара! В этих краях так подолгу люди не живут! Да и глаза давно уж заросли бельмами! Чиста грустно усмехнулась: тоже белоглазая!

Вдруг в её душе вспыхнул соблазн отговориться от оказания помощи роженице по причине собственной слепоты и старческой немощи. Этот соблазн был столь силён, что Чиста уж привстала, чтобы, по пути подобрав нужные слова, вылезти из кибитки наружу. Но не получилось. То ли она оперлась на полог повозки, то ли прохладный ночной ветер толкнул его. Но роженица очнулась и прохладной (в такую-то жару!) рукой зацепилась за её пальцы.

– Спасибо, Чиста, что не отказала в помощи, – с трудом выговорила женщина сохнувшими от муки губами. – Всё в руках всемилостивых Создателей, но спасибо, что ты не отказала!

Чисту будто пробило небесной молнией. Она умела читать знаки. Это, несомненно, был ответ её колебаниям.

Теперь выбора у неё не было.

2

Радости степняка, в самый тёмный ночной час получившего, наконец, наследника от любимой жены, не было предела! Он вёл себя, как безумный: вопил песни, катался по земле, радостно тормозил своих многочисленных полусонных женщин и детей.

И лишь потом, взяв на руки свёрток с долгожданным сыном, притих и деловито справился, с трудом определяясь, куда смотреть, дабы избежать незрячих глаз лекарки.

– Тебя отвезти домой, или ты сама доберёшься? А то мне ещё жену хоронить! – он, бедняга, никак не мог внутренне перебраться из беды в счастье!

– Я доберусь сама, хотя жену тебе хоронить не надо, она тоже выжила, – вздохнула Чиста. – Как сына-то наречёшь?

– Корвус! Ворон! В честь предка, который привёл народ летунов в эти земли! Имя давно поджидает моего мальчика! Специально не расходовал его на других детей! Эй, небо! Эге-ге-гей! У меня родился Корвус! – степняк сначала хотел подкинуть сына к звёздам. Но потом опомнился и просто бережливо, очень бережливо, лишь на миг, поднял свёрток с ребёнком вверх. – Всё, Чиста, оседаю в Тагане, хватит шататься по степи! Выучу сына, он у меня ещё летать будет, как все настоящие таганы-вороны! Специально готовил ему звёздное имя, чтоб прославил отца!

Степняк снова зашёлся в радостной истерике, услышав от собеседницы лишь то, что желал: про сына. Но не про жену.

И даже не заметил, как лекарка покинула его...

Нагруженная подарками, лошадь медленным шагом несла Чисту к дому.

...Только что она помогла родиться тому, кто станет источником появления смертоносного оружия страшной силы – его ларв не оставлял в том сомнений! И собранный талантом этого человека обильный урожай весьма порадует Бога Смерти!

И трагедия его будет в том, что, по сути, это совсем не злой человек! Такая вот странность! Незлой человек получит злую судьбу!

Лучше бы он не родился!

Ведь в конце жизни не будет ему ни благодарности, ни удовлетворения за его жизненный подвиг. Напротив, он принуждён будет к само-казни, позорному самоустранению, как лишний, ненужный!

...Взлетит в последний раз для того только, чтобы упасть, добровольно сложив крылья.

А на земле его будут заботливо ждать...

3

Если бы знал степняк-отец, что тот самый Корвус, в честь которого назвал он долгожданного сына, несмотря на всю свою огромную славу, вовсе не был счастливым человеком, – выбрал бы он это имя?

...Корвус (тот самый первый Корвус!) больше года не был дома и не имел возможности связаться с оставленной беременной женой. Он проделал очень долгий путь на юго-восток и был горд исполненным поручением Совета Аркада. И это несмотря на то, что родился он отщепенцем!

Правда, сиятельные аркты, раз уж им так приспичило освоить тайны древних оружейников, могли бы посадить порученца на одного из своих великолепных коней – всё вышло бы быстрее. Но нет, не снизили, не удостоили. ...Просто пообещали исполнить его, Корвуса, давнюю мечту, если выполнит задание. Что ж, они с женой решили, что ради этого стоит вытерпеть столь долгую разлуку.

В ожидании щедрой награды, он очень спешил доложить о поистине поразительных результатах завершённого похода. Но, по правде сказать, ещё больше он спешил к своей юной жене.

Она была лучшей из женщин, Корвус был уверен в этом, иначе ни за что не стал бы жениться. Уж насмотрелся он во время долгого путешествия на женское отребье всех мастей!

Жива ли она, его нежная Кия? Удалось ли ей выносить ребёнка? И, если да, то хорошо бы, если бы это был сын! Корвус потёр длиннопалые ладони, поёжился с затаённым вожделением. Уж теперь-то они увеличат свою семью в очень короткие сроки! Боги, боги, как же он по ней соскучился!

У ворот в родное поселение ему встретился местный дурачок-заика. Не следовало, конечно, с ним заговаривать, много ему чести от порученца самих арктов, но нетерпение, вскипающее в сознании, отключило всю выдержку начисто.

– Узнаёшь меня, дурень? Помнишь, кто я? Скажи, помнишь? – начал разговор Корвус. – Как там моя жена? Как ребёнок? – спросил, как выплеснул и, ... затаив дыхание, замер.

– Т-ТВОЯ жена? Т-ТВОЙ ребёнок? – скособочил слюнявый рот дурачок. – Да у тебя их уже двое! А ты и не знал, не знал, не знал! Ха-ха-ха! – и, заголившись, вскачь понёсся по проулку.

Кровь ударила Корвусу в голову, бешеная злоба вмиг затопила рассудок.

– Как двое? По времени, конечно, возможно. Но как? Лучшая из женщин оказалась такой же, как все? Потаскушкой? Но с кем? С кем нагуляла она второго ребёнка, пока его не было? Подлая, подлая! А на вид – сама невинность, как белый лепесток!

Он не помнил, как подошёл к своему подворью. Приметил только, как тёмная сгорбленная фигура шмыгнула огородами к оврагу. Это он, её тайный дружок, точно! Недаром скрывается при виде вернувшегося хозяина! Ладно, и до него дойдут руки! Недалеко уйдёт!

Жена успела выйти из дома, но не успела сменить озабоченное выражение лица на другое. Какое? Ему не хотелось видеть. Он до такой степени боялся лживой обрадованной улыбки, что кулак взлетел сам собою: стереть, уничтожить, чтоб не было внутри так ... больно.

...Тонкие косточки хрустнули, но это его не остановило, не насытило жажду мести. Горе разрывало душу, хотелось то ли выкричатся, то ли голову себе разбить, чтоб не мучиться больше.

*Надо бы уйти, зачем я здесь? Жизнь остановилась! Уйти, скорей уйти!
Остановили его ...детские голоса.*

Ну, конечно, там же его ребёнок, его надежда на будущее! Надо забрать своего ребёнка! Ублюдок ему не нужен, но своего он не оставит, никому не отдаст!

Он перешагнул через смятое тело предавшей его женщины, брезгливо посторонился тёмной расплывающейся лужицы крови и вошёл в дом.

Близнецы подняли одинаковые личики от глиняных чашек с молоком и удивлённо уставились на ввалившегося чужака.

Когда дурачок-заика и сгорбленный нищий, некоторое время тому назад получивший в этом дворе подачку, подкрепились и решили повторить попытку (авось снова повезёт!), их здорово напугал рёв отчаяния, доносящийся из дома. А безжизненное тело доброй женщины, всегда подкармливающей убогих «во поддержание путешествующего» и испуганный плач её детей вообще заставили бедняг с воплями броситься по посёлку

Вскоре все соседи и родственники собрались у дома Корвуса, но помочь ему уже было нечем.

Домашняя трагедия не помешала Корвусу доложить Совету обо всех наиценнейших находках и даже собственноручно выковать для арктов первый Огненный меч.

Но обещанной награды он не дождался.

Формально так он был наказан за убийство жены. Фактически это был лишь предлог – что всем было понятно. В интересах арктов было преумножить свою силу и влияние, а не разбазаривать их.

Поэтому обиженный на судьбу Корвус решил вырвать у неё, проклятой, заслуженную награду любой ценой.

И это ему удалось. Маска ворона, однажды попавшая ему в руки, так и осталась у его народа. А потом, через многие-многие годы, способность к полётам стала просто способностью их плоти и крови.

Способностью их «родников»...

Полёты

1

– Буду бить, пока не прыгнешь!

Клеарх примерился и особо прицельным ударом кулака сбил пасынка с ног.

Чужая кровь! Чуждые привычки! Совершенно не нужный ему довесок к ясноглазой красавице Климене! Но попробуй сказать, что её раскормленный сынок лишний в их совместной жизни! Климена сразу вильнёт хвостом! Вот и приходится ему, архонту могущественного Тан-Тагана, терпеть это сопливое недоразумение с вечно шмыгающим носом, будто мальчишка принохивается!

Этот волчонок, благодаря ему, Клеарху, стал таганом! А у воронов-таганов, хозяев здешних мест, полностью отсутствует обоняние. Поэтому принохивание можно было считать чисто враждебным и уродливым проявлением! Достойным решительного искоренения!

Серией пинков Клеарху почти удалось продвинуть избитое безжалостнейшим образом пухлое тело к самому обрыву. Но поганец, едва почуяв тянущий зов глубины, живо поднялся на четвереньки и быстро-быстро по-паучьи ушмыгнул от края.

– Ку-д-да?! – Клеарх схватил ненавистного мальчишку за шиворот и, крутанув могучей рукой, швырнул, как ветошь, в сторону края берегового козырька.

– Ты что, толстяк, не понял ещё? Я буду бить тебя, пока не прыгнешь! Сам! Давай-давай! Не медли! – прокаркал он устрашающе. – Давай!!!

Мальчишка давился слезами, соплями и судорожно закашливался. Его рыдания давно перестали быть показательными, какими рыдал он для матери. Теперь он искренне завывал от боли, от ненависти и злобы к этому чужому для него, грубому носатому человеку, неожиданно заимевшему над ним такую власть! Но больше всего он завывал – от дикого, животного страха! Подняв голову к небу, мальчик издал особенно отчаянную фистулу и ...обмочил штаны.

Сам он раньше своего тирана почуял, что теперь уж, после такого-то позора, рассчитывать на снисхождение точно не придётся. А когда исподлобья взглянул на отчима, встретил его полный отвращения взгляд.

Тогда он молча подшмыгнул соплю, подошёл к обрыву и прыгнул.

Мать долго вдалбливала ему, что нужно будет сделать после этого.

Но мальчик был так уверен, что ему всё это не пригодится (просто потому что он не хочет!), что слушал вполуха. Он был абсолютно уверен: мать его обожает и заступится перед этим черноволосым носатым чудовищем, своим новым мужем. Но его красавица мать в последнее время сильно изменилась.

Она стала всё чаще отсутствовать, всерьёз увлекшись популярными в Тан-Тагане огненными плясками. А когда и бывала дома, отсутствующим был её взгляд. Отчим бесился и срывал зло на пасынке.

Даже не воспоминание об этом, а само ощущение предательства со стороны обожаемой матери промелькнуло в зарёванном мальчишке, камнем падающем в море.

Вот и всё. Как ничтожна человеческая жизнь!

Сейчас его черепушка хряснется об острые прибрежные скалы и расколется. И с этого мига перестанет существовать его «я».

Сколько хлопот с этим вместилищем всех драгоценных мыслей, чувств, фантазий! То его нужно беречь от холода, то кормить, то остерегаться различных видов разрушений! Человек вообще подобен драгоценному аромату, замкнутому в ничтожный стеклянный бальзамарий тела, который на самом деле так легко разбить! И тогда освобождённый аромат, к которому так чутки были ноздри мальчика, соединится с общим ароматом, самим духом жизни! И всё!

Примирившись с мыслью о неизбежном завершении жизни, парнишка жалел лишь об одном, что не успел ответить на главный интересующий его вопрос. Работа, которая должна была стать делом его жизни, осталась незаконченной. Вот удивятся те, кто столкнутся с её проявлениями! Он не успел за собой всё прибрать, не ожидая, что сегодня вечерний час для него не наступит...

Однако тело, независимо от разума, не желало сдаваться!

Пальцы заскребли воображаемое препятствие, будто желая выцарапаться из беды. Но единственной опорой была тоненькая булавка-фибула, крепко зажатая в правом кулаке.

«Скорей покончить с этим ужасом!» – мелькнуло в детской голове. И фибула скользнула к темени, прикрытому ритуальным пучком подсинённых волос.

Однако мальчик никак не мог нащупать правильную точку. Фибула лезла не туда, куда следует, а под кожу. Струйки крови загустили синеву чуба...

А береговые скалы наваливались на лицо, обступали...

Тогда от страха он ...закрыв глаза, что было ему строжайше запрещено. После этого его уже ничто не могло спасти...

2

Вдруг в шею и плечи больно вонзились цепкие вороньи лапы, и фибула, беспомощно ёрзавшая в детских пальцах, оказалась вбита в его голову, словно молотом, сильным ударом клюва.

Перо вошло в темя, в самый «родник», на удивление легко. А ожидание острой боли сменилось головокружением.

Да нет! Тело-кружением! Потому что кружились и выламывались руки и ноги, спина и живот, голова и хвост...

Что???

...Хвост выбрызнул из копчика солнечными лучами, вспоровшими враждебное пока ещё пространство. Мальчик удивлённо взмахнул руками и ...нашёл опору! Отмахнулся от боли, и его свежие, ярко-чёрные крылья оперлись на пустоту, которой он так боялся! И которой бояться, как выяснилось, совершенно не стоило!

Пустота была полна: потоками прохладного воздуха, ликованием солнечного света, острыми брызгами моря – и всё это ждало его крыльев, его силы!

Впрочем, для самолюбования времени совсем не оставалось! Поскольку волна, к которой он падал, уже лизнула живот и потянула за ноги, зовя в глубину. Но крылья ответили ей за весь Верхний мир: я не твой! Не зови!

Я – птица!

Вот это да! – хотелось веселиться, и петь, и кричать, и кувыркаться. – Я выжил! Мало того, что я не разбился и не утонул! Но я ещё и прыгнул вверх! Вот, оказывается, что это значит – летать! – Мальчик ярко-чёрным воронёнком бестолково метался в солнечном свете.

Его полёт не был ни красивым, ни значительным.

Он неуклюже планировал над волнами, опробывая свои новые мощные крылья, осваивая рулёрку своим новым жёстким хвостом, привыкая к новому, птичьему зрению и слуху. И отсутствию запахов вокруг – что было совершенно необычно!

«Кто же это спас меня?» – неожиданная мысль пробила сознание, словно фибула темя.

Кто неожиданно помог в момент, когда он уже отчаялся и лишь судороги тела, несогласного с умом, жалко и бестолково продолжали борьбу? Неужели мать? Почувствовала, что ему плохо, что он зовёт её, и прилетела?

В душе мальчика потеплело. Ему вдвойне захотелось петь и кричать от восторга! Он в момент забыл и предательство матери, и жестокость отчима. Только чистая радость танцевала-приплясывала в его душе! Ему так хотелось улыбаться во весь рот!

Он оглянулся. Вдоль прибрежной линии над Крылатскими холмами в совершенно пустом воздушном объёме, удаляясь, плескалась пара вороньих крыльев, тех, что спасли его.

Но, если это мама, то почему она снова бросила его? Почему не желает разделить его радость? Ведь теперь, в честь начавшейся новой жизни, ему присвоят новенькое имя!

Взглянув на обрыв, он понял, что безнадежно глуп.

Мать стояла рядом с отчимом и ласково обнимала его, буквально обвивала своим телом, словно язык пламени! Наверное, благодарила за то, что, наконец, научил её бездарного сына летать...

Мальчик понял, что улыбаться он не может.

И не только потому, что вороны не имеют мимических мускулов.

3

К тому времени, когда новонаречённый Петрус встретился с матерью, он успел переболеть страхом, исцелиться радостью полёта, забыть обиды, сменить не только птичье естество на человеческое, но и надеть чистую одежду.

А потом рассказать о своём торжестве сводному брату Пириту. Пирит пристально взглянул на него, и тогда Петрус, сам не зная, почему, выпалил.

– Спасибо, что спас меня!

В его словах было больше вопроса, чем благодарности. Потому что он не был до конца уверен, кто же его спаситель? Но Пирит наградил его ещё одним пристальным взглядом и буркнул, отвернувшись.

– Не за что меня благодарить.

Мать, как всегда, пришла домой поздно.

– Мама, он избивал меня! А ты не защитила! Мы так не договаривались!

Мать уже знала от мужа, что её толстячок-сын, так долго трусивший, и не решавшийся взлететь, наконец-таки, преодолел свой страх. Она поцеловала его в фонтанчик синих волос. Но не заметила ни опухших от слёз глаз, ни цепляющихся пальцев. И ответила своим мыслям, а не его жалостливым словам.

– Я рада за тебя, сынок! Теперь летаем мы все, четверо. Мы стали настоящей семьёй таганов. А то я уж всерьёз начала опасаться, что твоя фибула так и останется просто застёжкой для плаща! А Пирит вечно будет насмехаться над твоей слабостью. Мне это было так обидно!

Петрус выждал ещё немного времени, привычно, как неуклюжий щенок, поласкался к ней. Но мать так и не ответила на его жалобы и заискивания. От неё пахло костром и новыми людьми. Она натирала лицо и тело ароматическими маслами, видимо, чтобы избавиться от чужих запахов. Готовилась к ночи с этим «чудовищем», которое так унижало его сегодня! А «чудовищу» – всё равно, чем от неё пахнет! Вороны не способны ловить запахи! А вот ему, сыну, – не всё равно!

Петруса вдруг захлестнула злая ревность: а на меня она даже не смотрит! Моя жалоба уже ничего для неё не значит! То новые друзья, то новый муж! Всё для них! Для меня она устала, а для «чудовища» и одевается и причёсывается на ночь глядя!

Он попытался ещё одним способом привлечь материнское внимание. Старым испытанным способом.

– Мам, представляешь, Пирит совершенно не разбирается в созвездиях. Говорит: я ворон, я ворон! А сам ни одной птицы на небе не видит! А ещё надо мной насмехается! Но зато...

Мать рассеянно взглянула в зеркало. И в очередной раз ответила не ему, а своим мыслям.

– Пирит туп и неразвит. Удивительно, как это у Клеарха родился столь неполноценный ребёнок! И зачем он оставил его? Уродливых щенков в помёте надо выбраковывать. Они всегда ведут себя как кукушата, вытесняют нормальных, в них заложена особая жизнеспособность.

Петрусу показалось очень обидным, что мать говорит не с ним.

То, что он услышал, вообще не имело отношения к его словам. Он просто хотел похвастаться собственными успехами на фоне сводного брата. Пирит был его единственным товарищем по играм. К тому же, после этого Петрус хотел перейти к описанию его благородного поступка. И был решительно не согласен, что того надо «выбраковывать» – мать явно преувеличивала.

Эх! Этот способ привлечь к себе внимание тоже не сработал! Видно, сегодня ему так и не повезёт. Мать выпроводила его из своей комнаты, мягко подтолкнув за плечи в сторону детской половины. А сама направилась в комнаты отчима. Стройная, благоухающая, в шёлковых струящихся одеждах. Он беспомощно посмотрел ей вслед.

– Что, ябеда, не напросился на мамочкино утешение? – Пирит выскочил из-за угла, испугав брата. И сам же обрадовался произведённому эффекту. Петрусу стало стыдно и страшно. Светленькие, нетаганские глазки заплыли слезами.

Брат, конечно, не знал созвездий. И считать не умел так хорошо, как он сам. Да и по-гречески знал лишь несколько простейших фраз. Но зато его голова была забита многим совершенно ненужным, но страшно интересным. Например, он понимал язык летучих мышей и умел пересвистываться с ними. Не боялся выдумывать что-нибудь необычное.

Отец, бывало, бил его за это нещадно, но Пирит, поорав для порядка, быстро всё забывал: и обиду, и то, за что били, оставаясь по-прежнему сам собой.

Его отец, архонт Тан-Тагана, женился на матери Петруса недавно. Чтобы мать освоила полёты, ей пришлось делать операцию на черепе, открывать «родник», который у взрослых, не будучи использованным, основательно зарастает. Петрус видел, как волновались все вокруг за неё. Но она пережила и операцию, и первый полёт на удивление легко. И влилась в колонию воронов так естественно, будто с рождения знала воронью жизнь и только немного её подзабыла. И новая таганская причёска ей так к лицу! У него самого всё оказалось гораздо сложнее! Но теперь и это в прошлом! Он тоже умеет летать! Это так здорово!

Промелькнула мысль о неведомом спасителе, но додумать её он не успел, получив пинок от надвигающегося Пирита.

– Так что, жирняк? Что там твоя мамашка собралась со мной делать? Выбраковывать, говоришь?

Петрус испытал укол стыда за мать. Да и кулаки Пирита выглядели нешуточно. Вот влип! Некрасиво получилось: Пирит спас его, а он наябедничал! А мать, вместо того, чтоб помочь, наоборот, всё усложнила! Последнее время – вечно так! Она то отсутствует, то проводит время с «чудовищем». Ему приходится самому как-то налаживать отношения с Пиритом. Не оставаться же одному! Одному плохо. Он вздохнул и сказал.

– Эти взрослые, просто уроды какие-то! Давай будем с тобой вдвоём, а не с ними! Я буду всегда поддерживать тебя, а ты будешь помогать мне! Давай?

Пириту эта мысль понравилась настолько, что он даже отказался от намерения отлупить брата за жестокие слова его матери. А Петрус в благодарность решил поделиться с ним самым сокровенным: найденным под крышками.

4

Никто не мог и подозревать, что в самой дали дворовых построек, в глубине, состоящей, подобно сотам, из десятков сарайчиков, амбаров и погребов, скрыт вход в помещение совершенно особое. Светлое. Напугавшее Пирита своим неожиданным наполнением.

В центре, на ящичке, сидел кролик. Обыкновенный серый кролик. Только со вскрытым черепом. И голова его выглядела подобно горшку без крышки, в котором кипело дивное сине-красное варево.

Кролик моргнул и потянулся к пучку травы в руках Петруса. «Варево» в его горшке задрожало.

Пирит едва сдержал рвотный позыв...

...Позыв – немедленно сбежать – удалось подавить с трудом. Ноги, в праздничных расшитых сапогах, от страха стали неподъёмными.

Никто не мог и подозревать, что обыкновенный степняк замахнётся на такое. Правда, это был очень богатый степняк. Количество его стад овец, коз, коров и коней было, пожалуй, поболее, чем у самого архонта Тан-Тагана. Архонта, к которому и пришлось обратиться за разрешением.

Степняка этого трудно было напугать, но, войдя в покои архонта, он, как последний нищий, ушибленный созерцанием невиданной роскоши, напрочь забыл тот самый, по его мнению, весомый аргумент, которым надеялся добиться желаемого...

...Добившись желаемого, Петрус был доволен.

Его брат, силач и драчун, который вечно хвастался своим боевым настроением, испугался кроличьей крови! Знать бы, что Пирит так позорно-испуганно отпрыгнет от оперированного зверька, раньше бы привести его сюда!

Для пушного эффекта Петрус откинул ставни кровли и, торжествуя, указал брату на главное своё достижение: в поистине драгоценной банке из стекла, банке настоящей эллинской работы.

В ней, в прозрачной жидкости, плавало то же самое «варево», что дребезжало в черепе рядом сидящего живого кролика. Только было ему там попросторнее и оно имело вид бледного шара, развалившегося на два полушария, ради обнажения того, что виднелось между...

– ...Между нами говоря, – заговорщицки принаклонился степняк, – уважаемый архонт Клеарх так много внимания уделяет воспитанию своих двоих сыновей! И Пирита! И особенно младшенького, Петруса! У господина архонта такие талантливые дети! Гордость отца! Слава отца! – степняк подобострастно кланялся, не забывая при этом заискивающе скалить коричневые пеньки зубов.

Но слова его звучали вызывающе. Вышвырнуть что ли негодяя?

Все знали о младшем сыне, как главном позоре архонта: тот не желал летать! И это сын самого архонта города воронов Тан-Тагана! Крайне унижительно! Всякая пришедшая шваль, типа этого степняка, желает, а его сын, его собственность, видите ли, не желает!..

– ... Не желаешь ли узнать главный секрет, который я разгадал? – Петрус забавно сморщил нос и стал похож на своего кролика.

Пириту, отвернувшемуся от мерзкого вида грызуна, прежде пришлось сглотнуть комок в горле, для того, чтобы заговорить.

– Ну, давай, выкладывай!

– Ты, конечно, не мог не обратить внимания, как сморщено содержимое черепа, будто его кто-то насильно упихивал в преднамеренно маловатую ёмкость? То есть, выходит, черепная форма была первична, а её содержимое – создано позже! При этом, я подозреваю, пожертвовать пришлось некоторыми особенностями мышления, которые, будучи до такой степени «измяты», перестали функционировать...

– Ну, ты, брат, загнул! – у Пирита было полное впечатление, что он слушает взрослого, чрезвычайно учёного человека. Конечно, этот человек, в отличие от него, Пирита, с явной сумасшедшинкой!

Сначала Пирит, грешным делом, подумал: «Вот, значит, чем отличаются учителя Петруса от моих! Посмотри-ка, как его выучили! А со мной мой учитель даже никогда не заговаривает о подобных вещах!»

Но потом понял, что, если бы даже учитель-эллин и начал бы с ним, Пиритом, разговор о строении мозга, например, – вряд ли ему как ученику это было бы интересно. А Петрус прямо горит энтузиазмом!

Всё-таки, не каждому дано...

– ...Всё-таки, не каждому ж дано летать! Что за нелепая просьба! – Клеарх раздражённо последовал к выходу, обозначая этим, что приём завершён. Но невольно задержался у окна, дослушивая ответ степняка.

– Великий архонт, я настолько уважаю народ воронов-таганов и их великого архонта, что сомневаюсь, выразит ли всю величину моего чувства величина стада у ворот, пригнанного в дар великому архонту?

Величина стада была значительной, можно сказать: безграничной. Границы её скрывались за дальними домами площади. Что ж... Следующий вопрос Клеарх задал уже не столь раздражённым голосом, но, всё ещё не поворачиваясь лицом...

...Лицом своим, точнее, его неподвижностью, Пирит был доволен. Ему не хотелось, чтобы Петрус понял, до какой степени он шокирован увиденным и услышанным. Особенно идеей об ограничении некоторых возможностей человеческого мышления. Оказывается, его никчёмный братец давненько уж тайно занимался своими странными исследованиями! И достиг кое-каких удивительных выводов!

– Откуда ты всё это знаешь? – внешне спокойно спросил Пирит, всеми силами стараясь не показать, что был ошеломлён видом клеток с животными, таинственными инструментами, драгоценными стеклянными сосудами и особенно записями на дорожке китайской бумаге. Видимо, мать Петруса, став женой самого архонта, не ограничивала сына в его учебных запросах. Пириту даже обидно стало, что сам он, как большинство таганов, не умел читать.

Его и раньше удивляло общение с Петрусом. Тот умел говорить так, что казался взрослым, просто маленького размера. Петрус понимал то, что понимать было не надо. Это пугало, потому что казалось неестественным.

Самодовольство, совершенно не свойственное Петрусу, проступило, как пот, на покрасневшем лице.

– Не сейчас. Сначала посмотри, как интересно...

– ...Интересно... Почему вдруг ты считаешь, что твой сын, простой степняк, имеет основание присоединиться к избранному народу – воронам-таганам? У таганов не принято даже собственных выродков непревращенцев обучать полётам. А уж чужаков-степняков – тем более!

– *Всё в руках всемилостивых Создателей: кому летать, а кому ползать в пыли. Но великий архонт, великий создатель великого Тан-Тагана (лесть степняка была столь продуманной, сколь лестным было сравнение с самими Создателями), может даровать силу полёта даже непревращенцам! А значит и некоторым степнякам...*

«Знает! – подумал с облегчением архонт. – Знает, что Петрус наконец-таки полетел! ВСЕ знают, что ВСЯ моя семья – летуны! Я настоящий архонт города летунов!»

– *Но так везёт не каждому! – выставил архонт последнее возражение, уже глядя прямо в лицо степняку.*

– *Мой сын – не «каждый», великий архонт. Мой сын – талантливый кузнец-оружейник, – выпалил неожиданно для самого себя степняк. И отстегнув от пояса ножны, подал на вытянутых руках архонту. Клинок ножа был выкован в форме извилистого языка пламени. Пламени, которому таганы поклонялись как наивысшему воплощению богов.*

К его великому удивлению, именно этот аргумент, а не два первых для архонта оказался решающим...

...Решающим здесь является вопрос о потенциале человека! Предполагаю, его можно увеличить в два-три раза! Например, если дать возможность мозгу расправить все свои складки. Или каким иным способом... Вот загляни в «родник», сверху между полушариями! Видишь, я специально раздвинул!

Пирит воспитывал в себе воина и не должен был бояться вида крови и плоти. Он и не боялся, просто брезговал. Накрепко сцепив зубы, он с усилием промычал.

– И всё-таки, откуда ты всё это знаешь?

– Я не знаю. Я предполагаю. Или вспоминаю то, что давным-давно знал, только позабыл. А потому ищу подтверждение своим предположениям.

– Ну, и?

– Некоторым нахожу. Другим – нет. Но, – заторопился Петрус, поправляя задвижку на клетки, – даже в этом случае совсем не значит, что это не так. Возможно, я просто не там ищу. Для поисков необходимо полётное состояние головы! Понимаешь?

– Тебе же не нравится летать!

– Летать можно по-разному...

...По-разному смотрели на жизнь эти двое, но сумели прийти к обоюдовыгодному решению.

Вечер уже дышал прохладой, когда степняк вывалился из жаркого дворца архонта в дымящемся от пота халате. Только что, ради своего сына, он проиёл буквально по лезвию ножа! И победил! Архонт позволил! Степняк сжимал в потной ладони выданную серебряную фибулу и плакал счастливыми слезами: его сын, его Корвус, будет летать!

– ...Летать можно по-разному? Это как же?

– Да ты не привычайся! Я имею в виду всего-навсего полёты фантазий, идей.

– А-а-а... Эти сказки!

– Сказки, понимаешь ли, не совсем пустая вещь! Я много думал об этом, и понял, что в сказках часто шифруется то, чего нельзя сказать напрямую!

– Это чегой-то ради нельзя? Например?

– Например, в нашей с тобой жизни, когда у тебя мачеха, а у меня отчим, – мы с тобой всегда говорим то, что думаем?

– Надо быть полным дураком, чтоб пойти на такое!

– Вот! Более того! Предполагаю, что наши предки более активно общались даже не формами, я имею в виду слова. А содержаниями, мыслями. И нам в наследство от этого досталось подобное общение, возможность слышать мысли других людей...

...мысли других людей о полётах сына степняка не интересовали. Он вбил себе в голову, что его сын должен летать, и всё! И он не остановится ни перед чем, чтобы обеспечить своей крови этот переворот!

Поэтому, когда он столкнулся с глухим сопротивлением старой Чисты, которой единственной он доверял проведение предстоящей операции, он взъярился. Он не намерен был щадить никого на своём пути. Даже ту, которой обязан был появлением сына. Для оказания давления на старуху пришлось раскопать древнюю историю её сына Георга с его головными болями. И быть грубым, безжалостно наступив на сокровенное...

– Если бы ты, старая, в своё время не побоялась открыть череп собственного сына, возможно, он не покинул бы тебя! – степняк чувствовал, что его жестокие слова «пробили» оборону, занятую лекаркой. Но у него не было выбора, раз старуха наотрез отказалась открывать «родник» его сыну.

Правда, когда она застыла от его слов, будто заморозилась, и только лицо её мокло текучей талой влагой, он испытал какое-то незнакомое чувство, наподобие укола совести. Но тут же придушил его в зародыше, как совершенно ненужное в яростной борьбе за выживание...

– ...В борьбе за выживание «родник», который таганы используют для полётов, играет решающую роль! – Петрус вдохновенно размахивал руками. – Ведь именно благодаря ему, мы получаем информацию обо всём, что видим, слышим, чувствуем! Более того, мне кажется, именно благодаря «роднику», человек имеет возможность «слышать» мысли других людей. И не только тех, кто рядом. Но и тех, что были или будут! Лучше всего это получается во сне, когда всё остальное тело спит и не мешает.

– Тебя послушать, так во сне человек проделывает самую большую работу. Лично я ложусь спать, чтобы отдохнуть от работы, – Пирит всеми силами старался сохранить устоявшееся между братьями соотношение сил, где главным был он.

– Нужен ли человеку сон для того только, чтобы отдохнуть? Или у сна есть более важная роль? Петрус задал это вопрос себе, но Пирит решил ответить.

– Я сплю очень крепко. И мне никогда ничего не снится, – Пирит задумался и добавил: кроме полётов. Во сне я часто летаю.

– Крыльями?

– Ну конечно! А как же ещё?

– А я летаю ...просто посещая другие места, ...другие времена.

– Без крыльев что ли?

– Конечно!..

Пирит остолбенел от слов брата: вот он странный! Всё у него не как у всех! И ему захотелось свести разговор в шутку.

– Слушай, у меня сейчас, как у твоего кролика, крышка съедет! Что ты тогда будешь со мной делать? Ты сильно рискуешь!..

– ...Ты сильно рискуешь, отец! Она ведь слепая! Как она увидит то, что нужно во мне исправить? – Корвус совершенно не горел желанием позволить старухе копаться у себя в голове. Даже несмотря на то, что получить серебряную фибулу из рук самого архонта было так престижно! Да и полетать, конечно, хотелось. Но не ценой же жизни!

И тут степняк изрёк слова, которыми гордился до конца жизни.

– Главное видно не глазами, сынок! Это будет переворот в твоей жизни!

...Перепугался степняк за принятое им единолично решение, только когда Чиста сделала уже первое рассечение кожи и взялась за коловорот, чтобы сверлить череп его мальчика...

Тут он не выдержал, ушёл из шатра, максимально открытого небесному свету. Буквально сбежал, раздираемый сомнениями: оправдан ли риск? А вдруг сын умрёт? Как жить ему после того, как своими руками, против воли всех окружающих и против воли самого Корвуса, притащил его на операцию?

Безумная тревога весь день не оставляла тщеславного отца. Лицо сына так и стояло перед глазами. Причём, его беспомощный мальчик становился всё младше и младше...

С усилием гнал он подлые мысли о том, что сам будет виноват в смерти своего любимца! А сын всё стоял перед глазами и спрашивал, и спрашивал...

– Ты меня любишь? Я тебе нужен? Любой? Я не умру? – бесконечно задаваемые, эти вопросы пульсировали в мозгу бедного отца всё время операции. Он изгрыз себе все ногти до мяса. Он не мог ни пить, ни есть: единственный глоток воды, по рассеянности заброшенный в рот, повёл за собой такую рвоту, что его оставили в покое с просьбами «слегка перекусить»...

– Я не умру? – совсем маленький сын горячими сухонькими ручками требовательно поворачивал лицо отца к себе: я тебе нужен?..

...Не нужно было оставлять в памяти младшего брата картину своей позорной реакции на кролика с вскрытым черепом. Поэтому Пирит, предельно напрягшись, протянул руку и потыкал пальцем прямо в мозговую пухлость звериной головы. Он ожидал, что тот вздрогнет, вскрикнет или ещё как-нибудь отреагирует на прикосновение. Но ничего подобного не произошло.

– Мозг не имеет чувствительности, – предугадал его вопрос Петрус. Пириту опять стало неприятно, что тот знает больше его. – Правда, теперь этот кролик сдохнет. Внутреннее содержание не выносит неочищенного внешнего прикосновения.

Пирит встретил взгляд кролика, которого одним движением пальца только что обрёл на смерть, и, круто повернувшись, вышел вон.

В его планах произошёл значительный переворот. Случайный визит в святая святых нелепого братца перетряхнул его приоритеты. Если уж этот придурок решается на столь смелые поступки, то он, Пирит, явно засиделся!

Переворотом в истории войн должна стать целая армия кроликов, ...то есть воинов, не испытывающих боли! И при этом преданно взирающих на своего полководца! Подобная армия уже... маршировала в его сознании!

До воплощения оставался один лишь шаг...

5

Седые Странники мирно играли в шатранг, древнейшую игру Божественных Предков. Спешить было совершенно некуда, в их распоряжении была Вечность.

Вдруг комета, похожая на отрубленную голову с развевающимися волосами, одним махом сбила фигуры с шатранговой доски!

То, что выстраивалось долговременными усилиями и ещё более долговременными размышлениями, оказалось небрежно размётано волей случая. И, что хуже всего, не запомнено, как было выстроено...

Пока Седой Учитель дремал, Ученики второпях подхватили фигуры и расставили их по памяти. Немного поругавшись и поспорив, пришли к единому мнению, что стояли они именно так...

А, может быть, и нет. Но, даже если и не так – какая разница?

Хотя, разница, несомненно, была.

Потому что в щели, образовавшиеся между должным и реальным, вечно норовят пролезть те, кому жить положено вовсе не здесь!

Например, стриксы.

Химеры-стриксы

1

Лысая химера слегка почавкала козьей мордой, огляделась, подавляя тревогу. Понюхала свои сморщенные подмышки и успокоено замерла, скрыв голову и почти слившись со скальной рифлённостью.

Химеры-стриксы имели обыкновение, подобно летучим мышам, распластываться на скалах своего любимого песчаника, практически идеально маскируясь цветом и складками фактуры!

Кварцевые вкрапления посверкивали вокруг, словно крошки испуга. Не найдёт он её, нипочём не найдёт! Если только она сама не выдаст себя по молодости, по глупости!

Ворон-воин насторожённо планировал прямо над ней, лишь изредка взмахивая мощными крыльями. От них шли волны страха, волны силы и власти. О мощи массивного клюва химере даже не хотелось задумываться! Она внутренне сжалась, с трудом уняв предательскую дрожь шейного мускула. «Пусть он улетит! Пусть он улетит!» – умоляюще твердила она про себя. Тонкие коготки крыльных оконечностей не выдержали бы долгого вися.

К счастью, ворон поднялся выше, ещё выше... Пока не исчез совсем в сиянии солнечных лучей. Она вздохнула с облегчением и подтянула самую тяжёлую часть своего тела. Но оторваться насовсем от спасительного цвета скалы, с которой ей так повезло, всё же не решилась! Ей казалось, что вот-вот солнечный ворон спикирует на неё, беззащитную!

Она надрывно плакала от сожалений, от страха и желания выполнить свой долг. Но не трогалась с места, поглядывая на небеса.

И опоздала. Навсегда.

Её повелительница так и не получила своевременного известия от своей преданной служанки лишь потому, что той так и не удалось оторваться от треклятого ворона, преследовавшего её от самого Тагана.

2

Вожденный Таган!

Стриксы-воины, лстящие себе сходством с драконами (правда, враги называли их летучими мышами-переростками!) намеревались расправиться с ним мимоходом, чтобы после этого иметь возможность вплотную заняться древней столицей Причерноморья – Тан-Аидом.

А стриксы-дамы намеревались поживиться прелестными украшениями, поставляемыми в Таган из самой Эллады. Уснастить свои многочисленные складки ароматическими маслами. Драгоценные китайские шелка носить они не стали бы, это не в обычаях химер-стриксов. Но устелить ими все поверхности своих владений, выстроенных из розового песчаника, – это тешило бы самолюбие!

И все эти сладкие мечты годами перекисали, превращаясь в уксус! Таган торчал на пути их глобальных планов захвата Черноморья, как заноза, которую нечем было подцепить!

Но вот, наконец, летучая мышь принесла в Корунд обнадеживающую весть: архонт Тан-Тагана пропал!

«Как пропал? Куда пропал? Как может бесследно пропасть первый человек в городе? Охраняемый в охраняемой крепости!» – ответы на эти и многие другие вопросы, конечно же, взволновали стриксов. Тем более что и жена архонта Тагана тоже исчезла.

Вождь колонии стриксов Кор сразу загорелся: поиски всех ответов потом! А сейчас никак нельзя медлить в овладении Таганом, пока никто не узнал, что одним из самых благополучных и богатых городов побережья правят ...юные сыновья архонта! Два подростка, только что потерявшие родителей! Надо было успеть бесповоротно овладеть ситуацией, пока пареньки, наверняка, были в слезах и растерянности!

Стриксы мобилизовались очень быстро, чтобы успеть скорей других соседей, возможно, тоже возымеющих охоту поживиться ослабленным соседом. А такие, наверняка, обнаружатся – был уверен Кор. – Сейчас главное: не зевать! Время дорого!

Поэтому собранные ультратончайшим свистом Кора отряды стриксов очень скоро были готовы к взлёту.

Крохотную ранку меж ушами летучей мышки никто во внимание не принял. Мало ли, о какую ветку могла оцарапаться, непоседа!

3

Пирит, звонко цокая сапогами со звёздчатыми шпорами – причуда таганов! – подошёл к зажавшей уши Коре и объявил, не очень-то заботясь, слушает ли, что теперь она принадлежит ему.

– По какому праву? – узкая морда Кору выражала крайнюю степень презрения к наглomu подростку, ворвавшемуся в её розовый дворец. Этого не произошло бы, не дай её муж послабления всем придворным, пожелавшим принять участие в разграблении беззащитного Тагана.

– По праву сильного! По праву победителя твоего лысого мужа! – издёвка этих слов сразила утончённую Кору ещё сильнее, чем грубые низкие голоса таганов, сопровождавших Пирита. Эти дикари издавали отвратительные грохочущие звуки, буквально скребущие до крови её нежные розовые ушки. У них, кажется, это называлось смехом. Только мерзкие дикари могли выражать радость столь неблагозвучно!

Кора была отлично образованным стриксом. Она была достойной женой своего властительного мужа. Она не испугалась и не растерялась. Она потребовала доказательств.

Тогда к её лицу было поднесено копьё с насаженной головой.

Это был сильный ход.

Не моргая смотрела она на почерневшую, с безобразно обвисшими складками голову того, кто нынче утром обещал ей все блага мира. Да, это была голова её мужа. Да, ...теперь она принадлежала победителю, этому синечубому мальчишке по имени Пирит.

Но она не спешила соглашаться со своей новой долей.

Кора поднялась с ложа, устланного тонкими душистыми травами. По-прежнему не отрывая взгляда от жуткого подношения, выпрямилась на тоненьких ножках с подвёрнутыми назад коленками и с тихим шуршанием развернула свои кожистые крылья.

Сопровождавшие Пирита молодые воины даже попятились. Им никогда не приходилось видеть стрикса, распахнувшего крылья в помещении.

– В небе они смотрятся как-то поменьше, – смущённые собственным испугом, заперешёптывались они.

Синечубые мальчишки не знали, что это была только часть правды. Даже в своём мире химер Кора славилась поистине великолепными крыльями. Их шёлковый размах соблазнял многих, многих... Но она выбрала самого красивого, самого смелого, самого нежного. И в честь своей покорности ему – сменила имя, став Корой.

И что теперь? Что ждёт её теперь?

В горе она присела, склонив ушастую голову. Крыльями, такими, какими они и были, раскрытыми, устелила каменный пол перед копьём с головой мужа.

– Вот и шёлк... вот и шёлк, любовь моя, – тоненьким свистом зашептала она.-

Обещал, обещал расстелить,

А стелю, а стелю шелка я...

Как мне быть, ...как мне быть, ...как мне быть?

Юнцы-таганы, нежданно ставшие свидетелями столь тонко выражаемых чувств этого недо-человека, слегка оторопели.

Они так привыкли высмеивать стриксов, летающих свистунов, похожих на летучих мышей! А решение своего молодого предводителя Пирита, сына исчезнувшего архонта,

жениться на вдове убитого им предводителя стриксов, восприняли как чрезвычайно остроумную шутку. И всякий момент готовы были хохмить, дурачиться и издеваться. Но к такому лиро-трагическому повороту они были не готовы.

Смущённые, они обернулись к своему вожаку. И оторопь их усилилась: Пирита ничуть не тронула сцена прощания Кору с мужем. Лицо его было равнодушной маской. Столь же неподвижной, как золочёный лик Георга, выбранный его дружкойми как отличительный знак их стаи.

Пирит, прищурившись, крайне холодно смотрел на вдову погибшего предводителя колонии стриксов. Будто высчитывал что-то.

Как они уродливы, эти стриксы! Тело вполне человеческое, а колени назад, как у птиц. Крылаты, но мыслят и чувствуют, как люди. Недо-птицы, недо-человеки. Но какими холёными и высокомерными могут они быть при всём этом! И ещё...

Странное дело, но, не одетые, они не выглядят ни голыми людьми, ни, тем более, животными. Их складчатая кожа, ставшая притчей во языцех, свисает такими красивыми, похожими на изящную драпировку, складками! И она довольно элегантно серо-розоватого цвета, да и приятно бархатиста наощупь.

Во всяком случае, на Коре. Он почувствовал это, когда поднимал её, застывшую в беспомощности, и сопровождал назад к ложу.

Собственная шутка о женитьбе на вдове убитого стрикса показалась ему не столь уж шуткой.

4

– Какая подлость! Какая низость! О, госпожа! Какое коварство! – служанка, Тоненькая Сельга, наконец-таки долетела до покоев Кору. И теперь металась-суетилась, всем естественным демонстрируя сочувствие.

И вину. Ведь если бы она успела предупредить, хозяйка могла бы скрыться и не попасть в столь двусмысленное положение.

Кора не унилась до упрёков служанке. Хотя её положение было ужасно.

Кто она для победителей-таганов? Жена их малолетнего предводителя? Рабыня? А может быть, забавное животное, и место её в клетке, подобно летучим мышкам – любимцам самой Кору? Только разве что чуть крупней.

Но размер – это несущественная условность. Существенно другое. Понимание происходящего. А понимания у неё как раз и не было.

Как всё это могло произойти?

Как стриксы, столь универсальные летуны, умницы и интуисты, могли быть уничтожены этими буйными недоростками? Не имеющими ни воинского опыта, ни мыслительной мощи!

Химеры-стриксы совсем недавно поселились в Черноморье. Никто из местных не знал точно, когда и откуда они взялись. И не надо было им знать! Но соседство это для всех было неопасным и даже удобным, поэтому никто не возражал.

Химеры-стриксы не были ни воинственны, ни злобны. А очень скоро прославились как существа, знающие ответы на самые сложные вопросы. Важно было только вопрос сформулировать правильно, чтобы получить быстрый и исчерпывающий ответ. Соседние народы стали ходить к ним за советом, и советы эти были весьма мудры.

Только с вопросами у стриксов было плохо. Они знали ответы, но вопросы формулировать не умели. Может в этом, – думалось Коре, – и заключалась слабость её народа.

Или в их поистине феноменальной чистоплотности. Но это была вынужденная мера. В нежных бархатистых складках стриксов обожали селиться крошечные существа – археи, вырабатывающие алкан, вещество, типа нафы. Эту маленькую особенность можно было бы считать несущественной, если бы стриксы не дышали огнём. Что создавало реальную опасность и вынуждало бедных химер без конца возиться с омовениями.

Но стриксы успевали и многое другое.

Они рады были по-соседски показывать гостям свой выстроенный из розового песка город. Изящный, возведённый по правилам лучшего вкуса. В котором не было ничего лишнего, но было всё необходимое. И вот теперь город безмятежно сиял в лучах заходящего солнца. А его хозяева и строители – все сгнули! И от кого!

Древнюю культуру стриксов, уничтожили хитрые, хохотливые дети! Это было недоступно пониманию!

Мысли металась, как листва на ветру.

Коре очень помогло бы, если бы кто-нибудь задал ей конкретный вопрос о том, что её волновало. Ведь стриксы умели лишь давать ответы, но не умели формулировать вопросы. Например, им никогда не приходило в голову самим озадачиться: «Как мы сюда попали, откуда и зачем?» А если бы они таким образом сами себя попытали, ответ весьма изумил бы их. Ведь давать откровенные ответы было для них так же естественно, как дышать огнём...

...Служанка, жалобно присвистывая и в запале взмахивая веерами крыльев, в лицах изобразила Коре, каким ужасным способом была побеждена великолепная армия Корунда.

5

Кор намеревался захватить таганов врасплох.

Ведь все знали, что благородные стриксы никогда не наступают первыми. Таганы, их соседи, никак не могли ожидать этого. Между ними был договор!

Но Кор рассудил так: договор он заключал со старым архонтом Тагана. Архонта нет, стало быть, и договор аннулирован. А с его наследниками у него нет договора.

К тому же разросшейся колонии стриксов пора было позаботиться о расширении границ. Кор хорошо знал историю окружающих земель: правителей, увеличивших зону обитания, потомки прославляли в веках! А он считал себя неплохим правителем.

И, наконец, обозначилась потребность в рабах.

Рабы были остро необходимы стриксам, ведь у них не было рук! Ни строить, ни приготавливать изысканную пищу, на которой выросли последние поколения, сами они не имели возможности.

Все эти аргументы давно вызревали в голове крылатого правителя Корунда. Будучи очень благородным, он стыдился своих завоевательских планов. Но утешал себя тем, что будет заботиться о народах завоёванных территорий, не как о рабах, а как о собственных подданных. Если они всегда будут сыты и одеты, то зачем им свобода? Да и процесс завоевания должен был оказаться совершенно бескровным.

...Но когда огнедышащие стриксы сетью накрыли небо над Таганом, не ужас и сдача на милость победителей была ответным шагом.

С пирамидальных тополей, стражами стоящих на границах таганских земель, неожиданно сорвались безобразные чёрные лохмотья воронов. Молодые, они летели энергично, с избыточной запальчивостью, явно не рассчитывая силы для долгого боя. Вороны бестолково вломились в стройный, расходящийся концентриками боевой порядок химер, вызвав досадный высвист у Кора.

– Ну, кто так воюет! Мы же не дружескую шалость затеяли!

– Кор-р-р! – услышал он. На него камнем из пращи летел ярко-чёрный юнец-ворон.

Кор вынужден был посторониться, чтобы не быть сбитым этим наглецом. О том, чтобы дыхнуть огнём, не могло быть и речи! Все вороны, несмотря на кажущуюся бестолковость движений, держались исключительно среди самих стриксов. Используя собственные природные огнемёты, химеры неизбежно обожгли бы друг друга.

Неужели «бестолковость» юных воронов была кажущейся?

Кор почувствовал первый укол сожаления: он поторопился и плохо продумал тактику атаки. Он будто забыл, что таганы тоже умели летать! И (так глупо!) заготовил сценарий «миловидный победитель», в то время как ему навязывали детски-бестолковую возню, из которой его воины, непривычные к подобной чепухе, никак не могли вырваться.

А молодые таганы, продолжали свою беспорядочную толкотню. Они перемешивали между собой стриксов, ступенями парящих над Таганом. И это уже было опасно.

От ужаса, что он натворил, Кора омыло потом.

Все знали, что стриксы дышат пламенем. Но немногие знали об археях. О том, что убить стриксов, по сути, очень просто: нужно не давать им мыться. А если ещё и довести до пота – они самовоспламеняются. Что и сделали придурковатые юнцы.

Откуда они выведали секрет? Они загоняли стриксов в небо над Таганом и сломали стройную систему очередности омовений. Неудачливые захватчики, запутавшись во времени, начали вспыхивать один за другим.

Нежный свирелевый свист ветра привольно носился в небе над городом, словно в противовес бестолковщине, устроенной воронами и стриксами.

Увязавшиеся за войском Кора придворные любители сувениров стали свидетелями жуткого огнепада. В растерянности они опустились на землю, смешавшись с вывалившимися на улицы таганами. Уцелеть повезло лишь тем из нападавших, кто добрался до воды.

Тела стриксов благороднейших родов живыми кострами валились с неба. Последние в их жизни взмахи крыльев добавляли огня.

Их черепа взрывались от вскипающего мозга. А выпученные глаза выдувались дикими, безобразными шарами.

Это зрелище стало концом цивилизации химер-стриксов в Черноморье.

6

Взглянув на приятелей, Пирит понял, что в таком виде нельзя идти к овдовевшей Коре. Оно, конечно, скальпы недогоревших стриксов, небрежно заткнутые за пояс, придавали мужественности его спутникам. К тому же скальпы впоследствии облегчат счёт вознаграждения за участие в их первой военной операции.

Но сейчас ему нужна была Кора. И не любая, а содействующая. А вид этих скальпов может всё испортить. Он уже имел возможность оценить ее чувствительность: дивные стихи не желали выселяться из головы, будто природнились: «Вот и шёлк, вот и шёлк, любовь моя...»

– Седлайте коней, я скоро буду, – бросил он им. И один направился во внутренние покои розового дворца.

– Пирит! – окликнули его недовольные товарищи во главе с братом Петрусом. – А «додавить химеру»? Мы ж планировали! Зря мы наряжались? Ты же сам говорил, что будет веселье!

– Я справлюсь один! – звонко выкрикнул он уже издалека, хорошо понимая, что лишает друзей законного и обещанного удовольствия. Но выхода у него не было. Тащить их к Коре в таком виде – значило разрушить план, который он себе наметил. А тем – лишь бы веселиться! Один вид толстяка-братца в кафтане с пуговицами из черепушек мелких зверьков чего стоил!

Пирит размашисто шагал по розовому дворцу правителя Корунда. Ему приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы по-мальчишески не крутить головой, дивясь причудам архитектуры стриксов. Сам он тоже вырос не в хижине, но жилища таганов были обыденными, приспособленными под людей.

Здесь же всё было устроено для удобства летунов: уступами уходящий ввысь купол был буквально испещрён сводчатыми окнами и гротами, витринами и переходами, поручнями и висячими скамьями.

Но более всего изумляли лестницы, которые изящными завитками шли снизу вверх в перевернутом виде! Пирит легко представил себе «общество» стриксов, изящно прогуливающихся вверх ногами по этим дивным анфиладам лестниц и переходов.

Отгулялись...

7

Кора приняла его, стоя у открытой на запад оконной ниши. Догорающее солнце... Уходящий день... Её счастье осталось в прошлом... Сложенные за спиной крылья химеры подошли на ниспадающий мягкими складками плащ.

Она оценила и то, что он спросил разрешения войти, и то, что сейчас застыл у входа, ожидая приглашения сесть.

Она хорошо знала обычаи людей. Кора была образованным стриксом. Подобное поведение завоевателя сказало, что к ней относятся, как к равной. А это значит, что хотя бы клетка ей сейчас не грозит.

– Собирайся, мы едем в Таган, – Пирит был не очень многословен, но постарался говорить удобным для её восприятия предельно высоким тембром.

– Моё имя отныне будет... – начала она фразу, надеясь услышать продолжение.

Стрикс не умели задавали вопросы, однако подтекстом шло: в качестве кого? Ведь всякое изменение статуса влекло изменение имён.

– Пока под своим именем. Ты станешь моей гостьей.

Гостьей. Значит, пока гостьей. Промежуточный статус. Что ж, не худший, хотя и неустойчивый вариант. Клетка пока продолжала маячить вдали.

– Зачем я тебе, господин? – Кора сделала словесный поклон, не униживший, впрочем, её в глазах победителя. – Оставь меня в моём доме. В моей одинокой печали. Я тебе уже не опасна.

Пирит молча смотрел на неё. Неопасна ещё не значит – полезна. Стриксов он, конечно, разметал, им уже не восстановиться, они уже не бойцы. Но впереди у Пирита завоевание должности архонта Тагана. Должность не наследственная, выборная. Как убедить Кору сыграть свою роль наиболее полезным для него образом? Она очень неглупая. Надо быть осторожнее.

– Мы и вы – два мыслящих летучих племени, других нет, и не было, кроме Седых Странников. Мы должны быть вместе. Понимаешь? – от волнения и постоянного стремления говорить тоньше, не басыть, он пустил фистулу. Приятели сейчас высмеяли бы его. Но не благородная Кора.

– Ты хочешь заключить договор?

Поняла. Она поняла его! И она не недовольна! Значит, склонна помочь ему! Как хорошо, что у него хватило ума не брать с собой этих балбесов, своих приятелей с их хвастливыми скальпами!

– Да, именно договор, – от волнения он забыл на миг особенности её восприятия, и последнее слово будто обрушил сочным юношеским басом. Кора зажала уши.

– Прости, я забыл, – Пирит вскочил, сухая маска спала с его лица. Он сочувственно дотронулся до краешка кожистого крыла, которым химера прикрыла ухо с его стороны. Щёку Кору мгновенно исказила судорога брезгливости: от этих людей вечно нестерпимо разит потом! Неужели они никогда не моются?

Неуместная в данной ситуации реакция! И она быстро пожалела о собственной непосредственности. Но сделанного не воротишь. Пирит уже отошёл с застывшим лицом, оправив растрепавшийся фонтанчик синёных волос.

– Словом, будем считать, что мы договорились. Я обещаю тебе сохранение жизни и комфортное существование в статусе гостьи. Ты же, со своей стороны обещаешь мне всяческое содействие. Мне нужны твои советы, Кора, – последние слова прозвучали совсем по-мальчишески.

Она сделала движение вслед ему, хотела высказать своё маленькое условие, но не успела.

Пирит вышел, звеня своими звёздчатыми шпорами по розовым ступеням переходов, испещрённых причудливыми разводами, будто неведомыми письменами.

Путь в Таган

1

Истинным позором для любого стрикса было наличие шерсти на спине. Они до крови тёрлись спинами о камни, чтобы искоренить следы позорной промежуточности, категорически отмечая принадлежность к животным.

Вот и этот, весьма преклонных лет из свиты Кору, был с окровавленной спиной. Смотреть на него было противно. Но как ни старался Пирит, он не мог согнать старикана назад. Тот отбивался дымчатыми от времени лоскутами крыльев и отчаянно пищал, что положение госпожи диктует ему оказывать ей почёт.

Кора не вмешивалась. Её высоко задранная морда совершенно не напоминала о заключённом между ними соглашении. Высокомерие так разительно не соответствовало её жалкому статусу, что окружающим было немного неловко смотреть на бывшую правительницу Корунда. Старик-слуга да молоденькая глупышка-прислужница – вот и всё, что осталось у неё от прежней жизни. Да, пожалуй, ещё белые кони из конюшен правителя.

Остальные стриксы, что не погибли, успели сняться с места и скрыться в неизвестном направлении. Нежные, чуткие, слишком испуганные происшедшим, они ничем не могли ей помочь.

На коленях у Кору лежала голова мужа, послужившая основным аргументом, чтобы выманить её из дворца.

Окружали стриксов таганы в своих походных шапках луковицей, под которыми так удобно было помещать фонтанчик волос на темени. Скальпы Пирит приказал убрать. Друзья поворчали, но подчинились. Кем они сейчас служили для химеры: эскортом, или стражей – было неясно.

Пирит ехал рядом с низвергнутой правительницей Корунда. Говорить было не о чем.

«Странно, физическая боль даже для этих нелюдей легче моральной, вымышленной, – думал он, глядя на кровоточащую спину старого слуги. – Что же ждёт тогда меня самого?» – Насмотревшись, он подозвал к себе одного из товарищей и что-то прошептав, подтолкнул вперёд, в сторону находящегося где-то на востоке Тагана.

Прежде он никогда не бывал в этих краях. Поэтому холмы, уходящие за горизонт, свободные от Каменных тан, имели для него непривычный вид. «Надо же, – изумлялся он, – насколько столичный Тан-Аид подмял под себя всё Черноморье! И мой Таган в том числе! Вся степь в округе в их каменных статуях! Даже называть Черноморье стали из-за них Край Белоглазых тан. Как будто, кроме Тан-Аида в округе и городов-то нет! Ну, ничего, это было заведено давно, ещё до Великой катастрофы! Придётся всё изменить! Лиха беда начало! Жаль только, что братец мой – плохая опора».

Он отыскал взглядом Петруса. Тот, восприняв это как зов, немедленно подъехал. Его трясло так, что черепушки мелких зверьков, которыми он «украсил» одежду, подрагивали. В такт подрагиванию его мягких щёк.

– Я не спал всю ночь! Эти химеры снились мне ... всю ночь! – дёрнув плечом, он покоился на Кору. Но она даже глазом не моргнула. – Мне страшно думать, ... вспоминать о том, что мы с тобой натворили!

Пириту было досаднее всего, что Петруса совершенно не заботила масса слушающих их людей. И нелюдей. Что ж, придётся это учитывать: он повысил голос.

– Если страшно – не думай! Исходи из того, что жизнь сама по себе – страдание, подготавливающее нас к переходу в лучший мир. В лучший! Понимаешь? Ведь так говорят таганские светицы, провожая умерших?

– Легко сказать, не думай! – взвизгнул Петрус.

Но Пирит перебил его голосом, не допускающим ни малейшего сочувствия. Таким же деревянным, как застывшее выражение на его лице.

– Приведи себя в норму! Тебе лучше других должна быть известна кухня, что, булькает под крышкой черепа. Мысли необходимо брать на поводок. Иначе нельзя! Понесёт! Так что работай, брат, над собой! – он качнул своего коня в сторону Петруса, отталкивая его таким образом. Но тот прилип, как мокрый лист.

– Пирит!

– Ну, что ещё?

– Скажи, а ты уверен, что всё, что мы ...провернули, придумали мы сами? Я сам ни за что не мог бы додуматься до такого, Пирит! Я даже не мог согласиться на это! Но я сделал это! Я не понимаю себя, Пирит! Мне так одиноко! – Петрус тихонько заплакал.

Пирит мысленно осыпал его проклятиями. Окружающие тактично не приближались к беседующим братьям, но и не сводили с них глаз. Оценивали каждое слово, каждое движение. А этот болван затеял игру в поддавки! Угораздило же меня с ним связаться! Нет, он не помощник в моих планах! Ещё этот идиотский наряд с черепами! Клоун! Кривляка! Даже перед химерой стыдно, у них совершенно не принята подобная безвкусица!

– Беда мне с тобой! Ну, что ты за слабак? Да, это сделали мы с тобой! Мы герои! Мы победители! Посмотри вокруг, и ты убедишься! – Пирит широким жестом охватил всю их, в общем-то, невеликую процессию, в заключение обняв брата.

Но тот дёрнулся, сбросил его руку и, заговорщицки понизив голос (слава Создателям!), прошептал.

– Да, мы победили. Но вдруг... Мне пришла мысль, что так же ощущают себя овцы, которых выгоняют на свежий выпас. Они не подозревают, что их пасут...

Пирит немного помолчал, будто накапливая слова. Потом ответил, сковав лицо корой неподвижности, это было удобно.

– Ты размазня! Наши Божественные предки были повелителями Стихий. Ты хоть иногда об этом вспоминай! Кто может нас пасти? Что ты мелешь? Мы хозяева жизни! И никто не помешает нам! Иначе мы зальём эту землю кровью!

У Пирита не было иного выхода, кроме как успокоить слюнтяя-брatца. Взгляд, которым Кора наградила его за последние слова, не смутил его. А химера автоматически вычленила в его тираде вопрос и так же автоматически мысленно ответила на него.

2

Она устало прикрыла глаза.

Зря она не поверила тому странному уличному фокуснику, явившемуся к ней с утра, сразу после ухода мужа!

Этот обтрёпыш, босой, весь в клочьях нависавших на глаза грязных волос, сперва весьма развлёк её, жонглируя различными предметами. Вазы и яблоки, серебряные ножи и кубки то зависали в воздухе, то исчезали; то вдруг он вынимал их из своих обтрёпанных рукавов! Приходилось только надеяться, что вынимал всё, что запрятывал.

Но когда Кора, бросив ему одну за другой три золотых монеты, подняла уж костистую лапку, чтобы дать знак: «Довольно! Можешь удалиться!» – грязнуля замер, уставившись в пол. Потом выколупнул из-под своих ног, прямо из дворцового мозаичного пола, три небольших, с ладонь, плоских камня, выпиленных из розового песчаника. И, чуть помедлив, потребовал за них ещё три золотых монеты.

Золотых монет было не жалко, у Кору их было много, но её обуял дух противоречия.

– Три золотых за испорченную мозаику? Ты в своём уме, бродяга? – по-хозяйски вознегодовала химера.

– Письмена на этих камнях для тебя дороже трёх золотых, – прозвучал вкрадчивый ответ. – Если, конечно, тебя интересует судьба мужа, собственная судьба и судьба твоего народа. И поторопись, пока ещё не поздно.

– Что там может быть на этих камнях? Никакие это не письма, а просто природные извилины! – Кора ходила по этим полам сотни раз, но не всматривалась. Голова её всегда была посажена высоко.

Но бродяга твердил, что на её полах отыскал самое настоящее предсказание. Которое теперь она должна купить у него, раз не умеет видеть сама. Кора была озабочена ожиданием сводок от мужа и не придавала значения неблагозвучным завываниям этого глупца.

Тогда ондохнул и сжёг у неё на глазах один из камней. Прямо на ладони. А пепел стяхнул на пол.

– Это была судьба твоего мужа!

Кора фыркнула.

– Вот болтун, пустомеля! – но не могла не оценить мастерство фокусника: сжечь камень мог каждый, почти каждый стрикс, но не в любое время и не в любых условиях. А этот даже речи не замедлил!

За толкование двух оставшихся камней чумазый потребовал ту же цену, всё те же три золотых монеты. Она, медля, всё же отказалась, но на этот раз, не отрывая взгляда от странного гостя. Нарастающая тревога птичьим когтем цокала по стеклу.

Грязнуля вздохнул с глубочайшим сожалением, результатом чего стал не просто обугленный, а спёкшийся второй камень. С безвозвратно утраченной вязью таинственного рисунка.

– Раз тебя не интересует собственная судьба...

Ей захотелось напрочь отбросить мысли об изяществе и убить его!

За оставшийся камень фокусник потребовал первоначальную цену: три золотых.

– Судьба твоего народа! Неужели не стоит такой цены?

Не дыша, Кора приблизилась, пытаясь разглядеть его, бродяги, породу: человек или нелюдь? Тогда тот ещё глубже запрятался в свой капюшон.

Но когда уходил, получив свои три золотых, Кора заметила мелькнувшие в распахнувшихся полах плаща длинные седые пряди. Или ей почудилось?

Камень Кора оставила в тайнике своего покинутого розового дворца, не успев расшифровать путаную вязь рисунка. Отчётливо проступал лишь контур крылатого змея с волчьей головой да что-то, похожее на череп. Но как это трактовать, было непонятно. Пришлось даже пожалеть, что со злости отказалась от помощи бродяги. Стриксы сами умели пророчествовать и давать мудрые советы. Тем и славились. Но они не умели пророчествовать себе.

Потому что мудрому ответу должен был предшествовать правильно заданный вопрос. Этим даром стриксы были обделены. Талант задавать вопросы Создатели оставили людям.

3

По мнению Пирита, дорога отняла неоправданно много времени.

Но он вынужден был считаться с капризом своей спутницы. Привычная для юнцов-таганов скачка намётом – неприемлема была для сохранения её царственной осанки. Да и старый стрикс, этот преданный дуралей, начинал шипеть и кидаться под копыта, как только Пирит пытался прибавить шаг.

Кучу времени заняла церемониальная возня старикана с бурдюками и кувшинами: чтобы не вспыхнуть, стриксам жизненно необходимы были периодические омовения! А омовения Кору сопровождались таким количеством приседаний и поклонов со стороны двух её слуг, что даже по неподвижному лицу Пирита начали перетекать волны гневных морщин.

Не улучшала настроения и необходимость окорачивать прыть буйных приятелей, торопившихся в Таган, чтобы как можно скорее насладиться честью и славой завоевателей. Избавиться от этих торопыг, отпустив их вперёд, тоже не получалось: у Пирита не проходило ощущение, что за ними на протяжении всего пути кто-то следит. Пириту удавалось даже пару раз боковым зрением заметить какое-то мелькание. Но как только он, уставившись в подзорную точку, ожидал разрастания опасности, всё оборачивалось ничем.

Нескольких приятелей, обернувшихся воронами, пришлось отправить патрулировать окрестности с высоты. Но это было возможно, пока не закатилось солнце. Без него солнечные вороны слепли, и патрулирование теряло смысл.

А между тем тьма густела. Горизонт стягивался шнуром-удавкой. Таган был уже совсем рядом, весь на виду. Казалось бы, пришпорь коней и дома. Но Пирит терпеливо и неуклонно выдерживал торжественный шаг процессии. И его друзьям пришлось подчиниться.

Они пытались было развлечься охотой на бестолково мечущихся вокруг летучих мышей. Но Кора запретила стрелять в этих мелких тварей, будто бы забыв на время об утрате статуса правительницы Корунда. Впрочем, юные таганы, пожав плечами, на удивление мирно подчинились её воле.

Насторожённость Пирита всё возрастала, чего раньше никогда не бывало при приближении к дому.

Он не понимал себя. Вроде бы никакой конкретной угрозы. Даже облака, нависавшие, словно небесные всадники, постепенно таяли во мгле. Но, несмотря на это, расслабления не наступало. Слишком напряжены были путешественники. Слишком неустойчиво было положение и пленников, и завоевателей.

4

К стенам Тагана пленённые стриксы и их торжественный эскорт прибыли поздним-поздним вечером.

Истомились люди, измаялись стриксы, заморились кони. Все настроились было на последнее усилие, чтобы поскорее оказаться за городской стеной, в безопасности.

Но не тут-то было!

Таган, родной Таган, встретил их факельной круговертью.

Само по себе это не могло встревожить, ведь город поклонялся небесному огню. Но в этот раз огня было слишком уж много!

Встревоженный таинственным исчезновением архонта и опьянённый неожиданной и красочной победой над агрессорами-стриксами, город и не думал спать!

Город возомнил о себе как о воине, родившемся под благодатным огненным дождём. К тому же молодой кузнец по имени Корвус притащил на Площадь Часов связку новеньких, свежо побрякивающих мечей. Сказал, что хоролуги – его личный подарок к городскому празднику! Кузнец был из степняков и недавно пережил операцию по открытию «родника». Первый полёт так вдохновил его, что мечи, похожие на языки пламени, буквально слетали с наковальни!

Мечи были действительно праздничными! Таганы удивлённо разглядывали новое оружие, так похожее на красивые игрушки! Бродили, конечно, в глубинах их сознания тайные сомнения – можно ли, нельзя ли брать подарок? Не мешало бы получить разрешение архонта...

Но старый архонт бесследно исчез! Поэтому сомнения недолго терзали стоящих перед новенькими мечами таганов. Соблазн завладеть новой игрушкой был столь велик, что, утешив себя резонном, дескать, надо же испытать новое оружие, горожане расхватили мечи. В парах друг против дружки мечи показали себя вяло, они будто не хотели пересекаться! Тогда их владельцы живо сыскали «работёнку» этим «лентяям».

Так первой работой мечей Корвуса стало обезглавливание летунов-стриксов. По сути – уничтожение.

Взбудораженные горожане щедро украсили арку ворот и крепостные стены их черепами! Длинномордые, похожие на конские, вздыбленные на пиках, они буквально нависали над проезжающими! Кривлялись в мечущемся факельном пламени, заглядывали в лица, напоминали о себе! Обугленные, они выглядели жутко...

Пирит покосился на спутницу. Он пожалел, что не предусмотрел подобного «украшательства». Впрочем, всё равно не вышло бы изменить хоть что-то! Судя по состоянию взбудораженного города, никто не пожелал бы расстаться с этими законными знаками победы! Закрепили черепа добротнo, и было их великое множество!

На протяжении всего пути Кора прятала взгляд. То ли размышляла о чём-то, то ли печалилась. Но не жаловалась и ни о чём не просила. Не дрогнула и сейчас, только ещё выше задрала свою козью морду, будто не видела, будто не понимала, что это отныне для неё значит. Да время от времени крепче вцеплялась коготками в шёлковый свёрток с головой мужа. Пирит тоже хранил молчание. Он выжидал.

И вот!

«Гостя Тан-Тагана – Правительница Корунда – Кора!» – было объявлено стражниками в момент их въезда в городские ворота. А о нём, Пирите, – ни слова!

Всё верно. Это его отец был архонтом. А он никто. Пока никто.

Зато химера изумлённо взглянула на своего спутника: что за игру он затевает, этот юнец? И чего стоит их, химер, хвалёная мудрость, если она не в состоянии просчитать смысл действий мальчишки?

А Пирит мысленно похвалил себя за предусмотрительность.

5

Та, чьё второе имя Танит, не имела обыкновения делить вещи на главные и второстепенные. Она рассеивала свой свет поровну, чтобы хватало всем понемногу.

Она не виновата в том, что одни подхватывали её дар и, подкрепив собственной силой, отдавали обратно. При этом обыкновенно доставалось и всему окружающему: степи, кустам и травам, цикадам и светлячкам. И даже этим суетливым, вечно суматошно мечущимся летучим мышам!

Но той, чьё второе имя Танит, никто не запрещал особо любить вещи, щедрые в отражении её света.

Эти вещи были именно такими.

Они сияли как лучи. Лучи, смело развалившие тьму на две части: по одну сторону от неё, и по другую.

Тьма и Пустота вокруг тонких лезвий казались абсолютной по сравнению с этим острым, резким сиянием. Хотя все вокруг знали, что Пустота наполнилась густой ночной жизнью.

Но как часто невидимое признаётся несуществующим!

Таганы встретили Пирита направленными в его сторону мечами. И бешеные факельные блики лишь усилили лунное сияние лезвий.

Пирит сразу обратил внимание на то, что в руках таганов совершенно новое оружие.

«Когда они успели? Я отсутствовал несколько дней! И на тебе! Подумать только, какая плотность может быть у некоторых дней! Мне казалось, именно я совершаю судьбоносные для города подвиги. Но эти мечи, появившиеся в моё отсутствие, похоже, нечто совершенно уникальное! Жаль только, что в данный момент они нацелены на меня!»

Мечи были прямыми, но лезвия их – волнообразными по всей длине. А точнее сказать, – в виде языка пламени.

Такую форму Корвус со своими подручными выбрал после того, как заметил, что искривлённые клинки обладают большей поражающей способностью.

Конечно, тяжёлый прямой меч позволял одним рубящим ударом пробивать не только кольчугу, но и пластинчатый доспех. Но Корвус учёл, что для этого достаточно тяжёлой должна была быть рука, да и сам воин. А вороны-таганы имели птичью стать, лёгкую кость (как бы они в ином случае летали?). Так что сила таганов была не в тяжести оружия.

Меч Корвуса задуман был таким образом, чтобы самоориентироваться в направлении наименьшего сопротивления и с лёгкостью пролезать как меж пластинами доспеха, так и меж рёбрами. Кузнецы немало мешков, набитых прутьями, порубали, прежде чем подобрали оптимальную форму.

Так родилась хоролуга.

6

Направив в сторону Пирита огненные клинки, горожане потребовали ответа: что стало с его отцом, их архонтом? И что означают все последующие события?

Они старались не грубить и не перехватить с агрессивностью, чтобы на всякий случай не напугать подростка, сына архонта. Но и мечи не опускали, показывая, что их устроит лишь немедленное и убедительное объяснение.

Пирит был готов к подобному разговору. Не смутившись и ни на миг не замедлив реакции, он прямо с коня объявил о том, что его отец, архонт Тан-Тагана Клеарх, ...призван богами! И если кто из них, невежд, пожелает выразить своё неудовольствие этим – пусть попробует! Боги всё видят!

К такому повороту событий свободные летуны Тан-Тагана были не готовы. Горлопаны притихли. А Пирит продолжал.

– Все знают, что исчезновение произошло во время внезапно налетевшей песчаной бури...

– Да-да, буря была! – тут же раздалась растерянные голоса.

– ...сопровождавшейся солнечным затмением и грозowymi раскатами... – продолжал Пирит голосом опечаленного сына, но достаточно твёрдым, чтобы было понятно, что он – не просто осиротевший мальчик, а сын архонта.

– ...точно, было такое! ...Так вот, оказывается, что это значило! – разнеслось в толпе.

Тогда Пирит, торжественно подняв открытую ладонь, заявил, что по воле бессмертных Богов, долгие годы прослужив танаидам на земле, их архонт был забран на небо, чтобы помогать оттуда. А все они были тому свидетелями («Да!, Ну, да! Ты тоже помнишь, что творилось на земле и на небе?»). В его отсутствие архонтами станут сыновья. Временно. Поэтому выборов не будет! Теперь, под их управлением, Тан-Таган достигнет небывалого могущества!

Речь юнца была столь же краткой, сколь и самонадеянной. И таганы от его наглости потеряли дар речи. В их городе не принято было наследование должности архонта. Тем более в столь сомнительном контексте.

Боги, конечно, всеильны. И могут в любой момент забрать любого. Таганы искренне верили в подобные вещи. Но и с насильственными смертями они, воины, были отлично знакомы, поэтому и склонны были подозревать именно такой финал жизни архонта Клеарха. Хотя, с другой стороны, тело его так и не было обнаружено...

Может он вернётся? А пока...

Но подчиниться мальчишке?

Ошеломлённые напористостью его малолетнего сына, таганы сдвинулись друг к другу и плечом к плечу стали медленно сужать кольцо вокруг прибывших.

Пирит жестом руки осадил бурлящее в глубине толпы возмущение. И с неподвижным лицом (что скрывалось за ним?) продолжал.

– Те, кто не верят моим словам, пусть посмотрят на крепостные стены. На эти черепа стриксов. Там есть ещё пустые колья! И на коня позади меня. На мою (он помедлил) ... жену – Кору.

Пирит был немногословен. Но за его словами стояли смыслы, понятные всем. Хотя рисковал он очень!

Отражение атаки стриксов на город организовал именно он. Факты говорили за себя. Значит, за Пиритом, несмотря на молодость, была сила.

С другой стороны, он приволок пленную жену правителя Корунда и представил как жену. Над этим следовало подумать!

Среди таганов хорошо известны были таланты стриксов, далеко превосходящие возможности людей. Известна была их образованность и утонченность вкусов, зачастую просто недоступная людям, вынужденным отдавать все свои силы и время борьбе за выживание. В Корунд многие люди ходили за советом.

Выходит, у Пирита есть собственный советник-стрикс!

Это было неплохо, это был мощный ход!

Но всё же стриксы считались животными! А значит, низшими существами. И брак со стриксом был неслыханным унижением для человека! Пока таганы металась в сомнениях, Пирит, зловеще нахохлившись, прокаркал.

– Да, я молод. Но отец успел дать мне не только мужество, но и мудрость. Кто поспорит с этим?

Горожане поглядели на черепа, украсившие городскую стену, на грациозную химеру за спиной нахального юнца и ...вложили новенькие мечи в ножны. Спорить не решился никто. На стороне сына пропавшего архонта была сама удача. Ему повезло изловчиться и поймать за чуб самого Бога счастливого случая Кайроса.

Был дан знак Огневице, исполнившей в честь молодых архонтов особенно вдохновляющий танец, поддержанный многими молодыми и ловкими красавицами. А к Пириту, наконец-таки из толпы был пропущен кузнец Корвус. Как предвестник начала новой жизни.

С хоролугой, достойной самого архонта!

Петрусу, смиренно ожидавшему решения своей судьбы за спиной брата, хоролуги припасено не было. Да он и не претендовал.

Синий город

1

Коре пришлось склонить голову, чтобы войти в гостевой шатёр.

Это было совершенно невозможное жильё для стриксов, дышащих огнём! Но другого Пирит пока не мог ей предложить.

Собственно, это была целая цепь шатров, предназначенных для различных целей и соединённых переходами. Шатров, устеленных овчинами, украшенных тканями полосами. Кора удовлетворённо кивнула, отметив для себя преобладание всех оттенков розового в убранстве жилища. Цвета розового Корунда в синем Тан-Тагане.

Что ж, её судьба сделала очередной крутой поворот – именно так решила она отнестись к происшедшему, – чтобы не сойти с ума от горя и растерянности.

Оставшись совсем одна, Кора расслабила осанку и буквально «стекла» всем телом на низкое сиденье. Однако тень, мелькнувшая в пространстве соседнего помещения, заставила насторожиться.

Зеркало. Конечно, всего лишь навсего обычное зеркало, – а она, глупышка, так испугалась!

Непривычная к убранству помещений зеркалами, химера-стрикс внимательно осмотрела и даже обнюхала отполированную до сияния медную поверхность. Раздавшийся короткий смешок, явно презрительного свойства, снова вздёрнул нервы до предела.

Из-за пёстрого тканого полога за ней наблюдал человек.

Если бы химера умела задавать вопросы, она спросила бы: «Кто ты?» Но она стояла молча. Тогда гость представился сам.

– Я архонт. Твой повелитель, дорогая, – незнакомец неплохо владел тембром стриксов. Зови меня Петрус. Мы с тобой будем часто видеться!

– Не думаю. Я люблю одиночество, – Кора не намерена была прощать насмешку. К тому же, только теперь она узнала в этом юнце того самого ноющего спутника Пирита. Здесь он выглядел совсем иначе. По-хозяйски.

– Ты уверена, что вправе выбирать?

Кора не была уверена, что Пирит встанет на её сторону, против брата, поэтому промолчала. Но Петрус не собирался уходить.

– Пирит представил тебя женой. Но мы все понимаем, что это не может быть правдой, – ответом был удивлённый взгляд. – Впрочем, об этом позже. Я пришёл спросить, как ты перенесла дорогу? Здорова ли? Я врач, я смогу помочь! О, летучая мышка!

Кора была удивлена, как её любимица спокойно перешла из клетки на руку незнакомца. Раньше такого за ней не наблюдалось! А Петрус, оглаживая пальцами крохотное тельце, раскрывал крылья, осматривал головку. Мышка попискивала, не изъясняя никакого недовольства.

– Осторожно, она недавно поранилась! – не удержалась Кора. – И ранка ещё не затянулась.

– Вот видишь, а ты говоришь, что моя помощь не нужна! – новый знакомый со смешком ловко сложил мышкены крылья, впустил зверька в плетённую клетку и снял её с крюка.

Когда он вышел, у Кору осталось странное чувство, что приходил он лишь за этой клеткой.

2

Проживание в шатрах, даже убранных зеркалами и тканями, Кора сочла унижением для своего достоинства. О чём не замедлила сообщить Пириту. Кроме того, с её размахом крыльев очень неудобно было взлетать, не имея достаточного возвышения.

Пирит, заметив, что его пленница-химера вянет от тоски, сам предложил ей ночные прогулки. Только просил не пугать горожан, летать незаметно. Сам летун, он понимал страсть Кору к полётам. А смена жилища, ну, что ж...

– В Тагане полно турлучных домов. Если желаешь...

– Турлучный – это из камыша, обмазанного глиной? – в самой формулировке Пирит услышал презрительный отказ.

– Ну, прости, я живу в таком же. А твой Розовый дворец я не в силах перенести сюда.

– Меня вполне устроит Синий дворец.

– Это какой же? – не сразу понял Пирит.

– Тот, который достоин будет архонта Тан-Тагана.

– Я воин, а не строитель. И хороший воин, не забыла? – разозлился Пирит.

Кора не забыла. Но и уступать не собиралась. Быт – это форма протекания каждодневности. А к быту стриксы относились серьёзно.

– Я сама построю этот дворец. Мне только нужны рабы, – упрямо задранная голова химеры не оставляла выхода. Задачу надо было решать. Пирит облегчённо вздохнул, что не требуется большего.

– Рабов – пожалуйста! Этого добра я тебе дам сверх меры, – и поскорее ушёл, чтобы не услышать дальнейших просьб благородной пленницы.

Пирит сдержал слово. Рабы поступали регулярно, потому что воевал он много. Первая удачная схватка со стриксами будто открыла перед ним шлюзы военных побед.

Кора посоветовала Пириту сформировать войско из нищих степняков, готовых воевать, в отличие от гордецов-таганов, без жалования, лишь за трофеи. И конями их не надо было обеспечивать, по степи носится множество диких табунов!

Сначала эта мысль показалась Пириту невозможной. Так никто из развитых городов Черноморья не поступал. И танаиды, и амазонки, и таганы всегда воевали с дикими степняками. Пирит всерьёз опасался удара в спину.

Но выпал крайне засушливый год, и Кора убедила его, что степняки будут благодарны за спасение от голодной смерти. И благодарность эта не забудется. Она оказалась права.

Преданы они были Пириту безоговорочно, смерти не боялись, в бою были злобны и напористы. И носилось их по степи превеликое множество, степь ведь велика!

В периоды отсутствия Пирита в Тагане почётные обязанности архонта исполнял Петрус. Но именно почётные.

Потому что во время своих ночных полётов Кора не только ностальгировала по безвозвратно утраченной жизни в розовом городе, но и разведывала, чем дышали горожане.

Она буквально следовала пожеланию Пирита, чтобы её полёты были незаметными: подслушивала, приноживалась, выслеживала. И благодаря ей, удалось предотвратить несколько заговоров. А на ключевые должности в управлении городом – назначить по-настоящему честных людей. Звериный нюх и мудрость советника-стрикса оказались чрезвычайно полезны Пириту и городу.

Прошло несколько лет, и Таган превратился в процветающий центр, настоящую столицу постоянно расширяющихся, благодаря завоеваниям молодого архонта, территорий. И горожане теперь гордились своими мудрыми и смелыми молодыми правителями.

Кора была в этом заинтересована. Она запомнила, как однажды подступили к ней таганы, мечтающие украсить городскую стену ещё одним черепом – черепом её, Кору. Словом, жизнь Пирита – была её жизнью.

Правда, со вторым архонтом Петрусом отношения складывались сложно.

Во время одного из ночных полётов Кора бесшумными взмахами крыльев подкралась к его жилищу. Несмотря на глубокую ночь, там горел свет. Зависнуть надолго она не могла, уже устала, прогулка была долгой. А опуститься на один из выступов было опасно, слишком неустойчивыми выглядели все эти турлучные постройки.

Тут отворилась дверь, и Петрус выбросил в ночное небо летучую мышку. Пока он прикрывал за собой дверь, чтобы свет не мешал проследить полёт зверька, Кора успела шарahnуться в сторону ближайшего тёмного тополя и укрыться в его тени.

Хотела бы она, чтобы кто-нибудь задал ей сейчас вопрос: а что это второй архонт Петрус делает там с летучими мышами?

3

Кора знала, что между собой таганы хвалили её, как мудрого советника своих архонтов. Но сама, после резкой и такой трагичной перемены в судьбе, вовсе не считала себя мудрой. Как могла она не предугадать гибели Корунда?

Слишком быстро всё произошло. Слишком бездумно и скоропалительно.

Давно уже Кора слетала в свой Розовый дворец, чтобы забрать плитку с предсказанием. Но расшифровка всё не давалась ей. Хорошо было бы отыскать того фокусника, наверняка он умел не только видеть знаки, но и читать их. Но тот, покинув Корунд, словно в воду канул.

Кора запомнила лишь его слова, что всем нам даются своевременные знаки-предупреждения. Надо лишь не топтать их ногами.

Это в полной мере относилось к этой ночи.

В летучей мышке Кора узнала свою любимицу, которую Петрус ей так и не вернул, сказав, что несчастного зверька не удалось вылечить.

Зачем он обманул её? Правда, мышка была исхудавшая и какая-то измождённая. Но это была, несомненно, она. Та самая сиреневая красotka, так долго украшавшая её комнату. Та самая, что принесла однажды утром в их спальню известие о пропаже архонта Клеарха. Известие, спровоцировавшее последующие трагические события.

Кора протянула крыло, и мышка, попискивая, с готовностью уселась на него, как на ветку. Она была искренне рада своей хозяйке, правда, сразу заявила, что не намерена возвращаться, так как у нового хозяина ей больше нравится. Он раскрасил её жизнь такими яркими красками, позволив прожить жизнь многих других существ, что отказаться от всего этого она теперь просто не в силах. За это, правда, приходится расплачиваться небольшими головными болями. Но она готова терпеть. Поэтому ей не хотелось бы возвращаться в клетку к Коре, несмотря на то, что она её очень любит.

Слушая маленькую предательницу, так легко продающуюся за весёлую, полную иллюзий жизнь, Кора представляла себе, что будет, если Петрус переключится с манипулирования зверьками на манипулирование людьми или стриксами...

От этой мысли сердце её захолонуло.

Кор, её муж, отправился в поход на Таган именно после информации, принесённой этой мышкой, этой любительницей иллюзий.

4

В целом Кора была ничего.

Вела себя очень достойно, отбрасывая блики царственности и на него, Пирита, которому этого благородного налёта было не дано.

Ни осанкой, ни особой выразительностью носатого лица похвастаться молодой архонт Пирит не мог. А делегации проезжающих купцов, являющиеся с подношениями, надо было приветствовать, внушая ощущение силы и уверенности. Чтобы не допустить, что его Тан-Таган станет в чьём-то воображении лёгкой добычей.

Многим, особенно поначалу, очень уж хотелось выяснить устойчивость власти в городе, возглавляемом скороспелыми архонтами.

Во время приёмов Кора сидела рядом с Пиритом, очень скромно нашёптывала настоящему ценные советы, как лучше принимать тех или иных визитёров. Химере всегда можно было, не стесняясь, задать прямой вопрос и получить исчерпывающий ответ. Этим она очень облегчала ему представительские функции. И он был искренне благодарен своему «советнику»: выходит, не врал люди о мудрости стриксов!

Но приподнять кожистый фартук на её животе – его не уговорил бы никто. Даже под страхом смерти. Даже под страхом смерти его города! Нет! Нет! И нет!!!

И как его угораздило при въезде в Таган провозгласить химеру своей женой? Просто уму непостижимо! Видно, действительно, было у него в тот миг ощущение, что шёл по лезвию ножа! А теперь назад не откатишь – все слышали. Не убивать же её, ради того, чтобы избавиться от обещания!

Нет, это не годится.

Во-первых, она полезна ему в качестве советника. Во-вторых, только недавно за его спиной перестали перешёптываться о подозрительном исчезновении его родителей. Очередная смерть рядом ни к чему. Так что эту мысль придётся забыть.

Да к тому же, странное дело, Кора сама устроила для него весьма приличный гарем. Когда он поинтересовался, для чего она подняла весь этот «тряпичный шум», она вполне невинно назвала гарем «необходимым элементом величия всякого уважающего себя правителя».

– Ну, раз без этого никак не выйдет величия, я согласен, – Пирит сам не понял, всерьёз или в шутку он ответил. Но гарем теперь у него был.

Кора лично отбирала в него красавиц: юных, свежих и очень разных. Были тут и низкорослые степнячки с атласной кожей, и холодноватые светлоглазые северянки, и страстные, гибкие, как лоза, персиянки. Пирит полюбил отдыхать в окружении красоты и неги, так изящно организованной для него Корой.

Но после посещения гарема он всегда приходил к ней. То ли благодаря. То ли нуждаясь в наслаждении ума после наслаждения тела. И она никогда не разочаровывала его.

О чём они говорили?

У Пирита складывалось ощущение, что говорил исключительно он. А она лишь наполняла предложенные им формы весьма значимым и ценным содержанием.

Заговаривал он о конях, она весьма кстати рассказывала о хорошем лекаре. В результате он стал брать его с собой в походы. Заговаривал о соседних городах, она давала точные характеристики, используя которые, он ни разу не ошибся в выборе объекта нападения. Если же он делился сомнениями в отношении какого-то человека, Кора приводила пару значимых деталей его поведения. И как-то само собой Пириту становилось ясно, как с этим человеком поступить.

Однажды, в момент особой доверительности, она сказала, что он может рассчитывать на её помощь во всём. Она придёт в любом случае, пусть только позовёт: ответом на вопрос – в традициях стриксов. Пирит ответил молчанием, но слова Кору застряли в памяти.

Кроме того, ему очень нравилось, что химера умела окружить себя ореолом красоты и изящества: драгоценными вещами, винами и яствами. Этого он тоже не мог не оценить.

Да и проживал он теперь не в шатре и не в турлучной мазанке.

Ценой жизни нескольких тысяч рабов (Пирит был удачлив в военных набегах) ей очень быстро удалось выстроить ряд прекрасных дворцов из дымчатого известняка. Благо, известняковые карьеры разрабатывались совсем рядом, на побережье. Прибой оголил отложения древних, когда-то подводных пластов, очень красочных, голубоватых оттенков.

По примеру Кору и с разрешения Пирита, подобные дворцы стали строить все состоятельные граждане Тагана. И город преобразился, вытянулся ввысь, приобрёл столичный лоск.

Известняковая пыль плотным облаком теперь стояла в воздухе. Рабы под руководством надсмотрщиков неустанно выпиливали в мягком камне сотни тысяч брусков, так остро понадобившихся столь многим, решившим, что достойны проживания во дворцах, подобных эллинским. Крепких, тёплых и красивых.

Кора не появлялась на стройках сама, предоставляя всё управителям. И не только из лени и природной склонности к неге. Скорее из мудрости и такта. Вряд ли пошло бы на пользу стройке, если командовать людьми на ней явилось бы существо, считаемое животным. Хотя химера за очень короткий срок научилась вполне сносно изъясняться по-человечьи.

Проверяла же она результат по ночам, когда строители падали от усталости и спали крепким сном. И укрыть недостатки от её глаз было немислимо. А по утрам давала указания своим распорядителям. Никто её не видел, а дела шли будто сами собой. Таганы только диву давались!

Такое положение устраивало и Кору. Особенно восхищала её возможность украшать городские постройки ярко-синими кобальтовыми вставками. Хоть сама она и привыкла к розовым дворцам, но повторения этого цвета в новой своей жизни тщательно избегала.

Одним богам известно, как она всё это организовала, откуда узнала, как надо расплавлять белый песок, что добавлять для изготовления столь глубокой синевы. Но всё, за что она бралась, выходило весьма значительным, ценным и говорило о хорошем вкусе ... правителя Тан-Тагана.

Не выходили у Кору лишь две вещи: по настоящему высотные башни со стрельчатыми окнами, из которых так удобно было бы вылетать; и никак ей не удавалось залучить к себе в постель Пирита.

Впрочем, с башнями всё разрешилось замечательно.

5

Однажды Кора вздрогнула от бешеного рёва Пирита. Рёва, явно не рассчитанного на её слух, привычный к восприятию лишь высоких, синих звуков. Сначала она зажала уши, готовые взорваться. Но расслышать, в чём там дело, очень хотелось!

– Старуха, не перечь! – рычал архонт. – Воины – первые представители Пресветлых Богов на земле, поскольку имеют дело с жизнью и смертью! А светицы – воины духа! Воины, а не детские слюни! Правильно или неправильно, но будет так, как я сказал! Светицы будут обновляться только по-моему!

Кора не присутствовала на приёме. Но для того и существуют тканые пологи, чтобы за ними удобно было присутствовать в помещении, не смущая никого. Кора слышала, как еле шелестя, Чиста что-то отвечала, но как ни напрягала слух, разобрать ничего не могла. Зато твёрдый ответ Пирита расслышала даже сквозь зажатые уши. Тот чеканил каждое слово, будто гвозди заколачивал, подкрепляя звуки речи звоном звёздчатых шпор.

– Должно существовать столь решительное желание выполнять избранный долг, что выжжет все остальные чувства: жалость, сомнение и всякую прочую чушь, годную лишь для бездомных сказочников! Так что отбор светиц будет прежний!

Впрочем, огневицу можешь выбирать по-своему. Так и быть, дарую эту привилегию за твои заслуги перед моим городом, – великодушно бросил он, уходя. Этим давая понять, что говорить больше не о чём.

Заслуги Чисты перед Таганом были действительно велики.

Одна она оказалась способна к делу, ставшему стержнем возрождения Тагана. После Великой катастрофы, когда жрецы Черноморья Гиер, Галах и Гоуд превратились в бесплотные тени, слоняющиеся по степи, одна Чиста смогла восстановить старинные традиции и обряды.

Обряд обновления хранильниц огня, светиц, был одним из них.

*Крутись, крутись, гончарный круг
Не дай поссорить трёх подруг!
Крутись, крутись веретено
И расскажи, что суждено!
Крутитесь крепче, жернова
Лети, как солнце, голова!*

Чиста смотрела на то, как играют между собой её девочки, и не представляла, как сможет она сообщить им о решении архонта: претендентка лишь тогда станет светицей, когда убьёт свою ослабевшую предшественницу.

Конечно, в этом нет ничего странного для жителей Черноморья, посвящённого Богу Смерти. Особенно, если относиться к смерти так же, как и к жизни, уравновешивая их.

Докажи, что ты, действительно, жгуче желаешь служить своему народу! Желаешь до такой степени, что готова убить! Но, будучи лекаркой, и постоянно вырывая у смерти чью-то жизнь, Чиста не желала дарить той лишнюю жертву.

Отдельное неприятие решения архонта вызывало самодовольство на козьей морде химеры Пирита. Чиста ненавидела Кору, и та платила ей взаимностью. Старуха была уверена, что Пирит принял решение не отпускать, а убивать ослабевшую светицу по совету химеры.

А Кора злилась; ей казалось, старуха презирает её. Ведь, в отличие от других таганов, Чиста ни разу не обратилась к ней за советом!

Вид же самодовольства на её морде был обычным для тех, кто привык. Лично к Чисте он не имел никакого отношения.

Лекарке пришлось подчиниться решению архонта и заняться подготовкой так, как он приказал. Сегодня претендентками на должность светицы, хранительницы огня в Тагане, были три девочки, дочери гончара, ткача и мельника. Все три были замечательные летуньи, отлично владели оружием и конём – навыки совершенно необходимые, поскольку половина светиц обязана была сопровождать таганское войско во всех его походах, храня огонь для поклонения. Перед уходом Чиста задала ритм выполнения упражнения. Подружки, совершенно по-девчачьи, сочинили на этот ритм стишок и тренировались, веселясь!

*Крутись, крутись, гончарный круг
Не дай поссорить трёх подруг!*

С первыми словами одна из них вскакивала на коня и неслась к лозам, установленным для рубки.

*Крутись, крутись веретено
И расскажи, что суждено!*

Конь разгонялся, девушка слегка привставала в стременах. Такая посадка была гордостью таганских воинов.

*Крутитесь крепче, жернова
Лети, как солнце, голова!*

С последними словами установленные по правую руку лозы были срублены. Но, срубленные, они оставались стоять на комле, как ни в чём не бывало. И лишь парой секунд позже с тихим шелестом, подобным шёпоту богов, соскальзывали к земле.

Танец огня

1

– Кто пойдёт первой?

Девочки переглянулись. Не вызвалась ни одна. До последнего сохранялась надежда, что Чиста, всемогущая Чиста, уберёжет их от самого страшного. Но не вышло. И теперь они, отлично выученные и, вроде бы готовые, не находили сил: заставить себя сделать решающий шаг.

В последнем военном походе одна из светлиц не уберегла огонь.

Случилось это во время битвы, когда на священный шатёр напали. Светлица, отбиваясь от нескольких врагов, опрометчиво повернулась к огню спиной. И не смогла удержать на ноже огромную тушу нависшего над ней воина. Тот рухнул прямо на святилище с огнём, загасив его.

Она всё-таки победила, убив нескольких нападавших. Но сама, как хранительница огня, должна была умереть. В Тан-Тагане, городе солнечных воронов, поклоняющихся огню небесному, такое не прощали. Даже Чисте не удалось выговорить для неё избавление от традиционного наказания.

Три подружки, претендующие на её место, выстроившись в ряд, напряжённо наблюдали, как двенадцать светлиц в вороньем облике спустились на запруженную народом городскую площадь. Прямо рядом с солнечными часами. Миг – и вот стоят посреди окруживших их горожан двенадцать девушек в белых посконных рубашках, подпоясанных грубым кручёным шнуром. Вынув фибулы из синёного фонтанчика волос на темени, аккуратно пристёгивают их на правое плечо.

Они единодушно решили не отдавать свою подругу на казнь, а довериться Божьему суду. И все вместе объявили себя готовыми к наказанию.

Которая из них сегодня должна быть убита, чтобы освободить место для новой светлицы? По лицам – ни за что не угадать! На побережье, посвященном Богу Смерти Танату, не принято терять своё лицо перед лицом Смерти.

Все светильники на площади были погашены, кроме одного, в хранилище огня. Город, поклоняющийся Небесному огню, был готов к обновлению светлицы.

– Что ж, – Чиста и старшая над светлицами огневица Соула ненадолго замешкались. Поскольку Соула обязана была говорить лишь шёпотом, как сам огонь, отмашку решила дать Чиста. – Медлить нам ни к чему. Стрелять, так стрелять! Одна за другой – пошли! – приказала она троице юных претенденток.

Когда отстрелялась первая, вторая выпустила уже половину стрел в стоящую перед ними цепочку светлиц. И все они опали дождём перед стеной огня, охраняющего своих хранительниц. Но, как только вступила третья девушка, испытание можно было остановить.

Потому что первая из двенадцати светлиц уже стояла со стрелой в груди. Это была она. Та, что не уберегла огонь.

Её тайные силы угасли вместе с огнём, утраченным в святилище. Она держалась из последних сил, но не смогла сопротивляться последней, третьей стреле. Тело её ещё стояло, но была она уже мертва.

Место освободилось.

2

Пирит был доволен увиденным.

Он не мог сказать, что ему нравились кровавые сцены. Нет! Просто он уважал радикальные решения.

Он сидел, отдохнувший от последнего похода, и наслаждался прекрасной погодой, видом родного города и великолепной встречей войска, вернувшегося с победой и богатой добычей. На груди у Пирита и окружающих военачальников сияли изображения Георга, победившего дракона Времени – новая мода, введённая лично им. Символ оказался счастливым, победы следовали одна за другой!

Города Таракс и Бенуз он вообще взял с лёта, всего лишь с помощью нескольких стогов соломы!

Придумала это Кора. Его вороны брали в клювы длинные соломенные пучки. Уже в воздухе приданная ею Тоненькая Сельга огненным дыханием поджигала солому. Оставалось только сбросить зажигалки на город с высоты. Вид стаи воронья и льющегося с неба огня не мог выдержать ни один защитник ни одной крепости! Все они падали на колени и молили Богов о спасении!

Довершали захват мечи-хоролуги, которые проклинали сейчас всё население завоёванных Пиритом территорий. Ни одно оружие не могло им противостоять! Главный оружейник Тагана Корвус сумел так усовершенствовать знаменитые «огненные клинки» Тагана, что они срезали и ножи, и сабли, и мечи. Не говоря уже о людях, которым наносили незаживающие раны. Кровь во имя побед Тагана лилась рекой! И всё благодаря Корвусу, которого Кора посоветовала сделать главным оружейником Тагана!

Чрезвычайно мудрое решение! Решение, достойное Кору!

Кора! Великолепная Кора! Сложенные за спиной крылья были подобны шлейфу богинь!

Она так тщательно ухаживала за собой! И тело её было поистине великолепно: нежно и бархатисто. Силуэт изящен и благороден. Все, посещающие дворец архонта Пирита, выражали искреннее восхищение! И Пириту это очень льстило!

Он не жалел средств на ублажение капризов Кору. Из походов привозил ей бесчисленное количество ароматических масел (правда, не чувствуя разницы между ними: воронам не дано ощущать запахи!), драгоценных тканей, диковинных музыкальных инструментов и даже привёз разграбленную астрономическую обсерваторию.

И Кора умела использовать всё это себе во благо. Например, она прелестно играла на флейте. Но предпочитала, чтобы Пирит не смотрел на неё в это время, считая, что инструмент слишком вытягивает её и без того длинную морду.

Благородная химера искренне считала, что боги наказывают те народы, чьи женщины вырождаются: становятся скромными и непритязательными. В результате становятся неинтересными и остаются без потомства. Она была уверена, что ей это не грозит. Хотя поблескивающие в её хорошеньких ушках серьги не должны были успокаивать её.

У стриксов, чья колония была очень небольшой, существовал мудрый обычай, служащий преодолению ленивой неги.

Серьгу в левом ухе обязаны были носить те, кому выпало оказаться единственными у родителей. В правом те, кто – сам пока не оставил потомства. У Кору и её мужа были

серьги в обоих ушах. Но это их не насторожило и не поторопило. Их паре суждено было остаться бездетной, о чём Кора жгуче сожалела.

Впрочем, сейчас она делала всё, чтобы исправить это положение. Кора очень старалась стать жизненно необходимой молодому архонту Пириту. И их взаимное единодушие укреплялось. И надежда её укреплялась тоже.

Конечно, она не была человеком, она была стриксом. Но женщиной-стриксом. И не просто так занималась она строительством.

Ни одна женщина не станет вить гнездо, если не планирует, пусть подсознательно, что по этим залам будут шлёпать босые ножки её детёнышей. Материнство для любой женщины это и есть путешествие по Мировому дереву! И Кора страстно мечтала о детёнышах, надеясь, что сегодня, в такой большой праздник, сумеет дать Пириту главный ответ о дальнейших приоритетах. Вот только эти человечьи праздники такие долгие! Совершенно не учитывают потребности стриксов!

Её тело давно уже нуждалось в очередном омоложении от надоедливых архей. Но очень уж не хотелось прерывать разговор с Пиритом! Он сегодня был в таком хорошем настроении, вдруг ей повезёт...

– Самое действенное наказание, шатранговый ход Создателей – лишение потомства, вырождение рода. Судя по всему, судьба моего народа ими решена. И вмешиваться в решение высшего взгляда и высшего разума нельзя. Иначе запускается программа самоуничтожения жизни вообще, – вещала она рядом с Пиритом, провоцируя того на горячее возражение. Но не дождалась. Пирит был только ровно вежлив. И не более!

– Не должно уйти без потомства существо, которое свободное время посвящает музыке и астрономии! – с вежливым поклоном в сторону Кору неторопливо выговаривал он, в доступном для стрикса тембре.

Но дальше изящных комплиментов дело не продвигалось. Химера никак не могла склонить его к «объединению пламени», как на языке стриксов назывались брачные отношения. Пришлось встать и временно удалиться. Подмышки настоятельно чесались. Археи не могли ждать.

А меж тем обряд выбора двенадцатой светицы продолжался.

3

Три девушки, претендующие на освободившееся место, приготовились. Огневица Соула долго обучала их секретам мастерства. Но главное из запомнившегося: её убеждённости, что научить огненному танцу невозможно. Потому что это не просто совокупность поз и шагов, прыжков и движений. Нужно самой гореть танцем, только тогда зажёшь!

Толпа затихла, сладостно вздохнув и затаив дыхание. Таганы предвкушали зрелище, изумительное по силе!

Барабаны задали ритм. Флейта подхватила его и повела движение девичьих тел по кругу чарующим рисунком, убыстряющимся такт от такта. Плескались расходящиеся полы рубах при скачках изящных колен, вились вокруг стана шнуры поясов, иссиня-чёрные хвосты длинных волос пушились вороньим пером на ветру. Складывался дивный круговой орнамент, древний, как дыхание Стихий!

Зрители, заворожённые дикой пляской, пританцовывали на месте, устоять было невозможно! Боясь выпустить из поля зрения хотя бы одну из плясунь, они, как в забытьи, отводили своих соседей локтями. И вскоре среди толпы вспыхнула потасовка. Что ещё более прибавило страсти напряжённому зрелищу.

Пирит с уходом Кору немного расслабился. Он предчувствовал, что при появлении пламени она обязательно заговорит с ним на тему, которой ему хотелось избежать. Но необходимость регулярных омовений избавила его от притязаний химеры, становящихся всё более настойчивыми.

Пирит наслаждался танцем. Хотя никому на свете не признался бы в том, что сейчас невольно вспоминал свою мачеху. Как та плясала! Наверное, за пляску отец и влюбился в неё! Пирит был уверен, что Петрус, сидящий на одном из почётных мест за его плечом, тоже сейчас вспоминал о матери.

И вот одна из девушек на миг замерла в страстном прыжке, а под ней вспыхнул огонь! Вот вторая! И третья вслед за ними! Зрители взорвались воплями! Праздник – состоялся!

Тан-Таган по-прежнему Город огня!

Тан-Таган жив! Да здравствует Тан-Таган!

Теперь три гибкие плясуньи вытанцовывали меж тремя кострами.

Чиста и Огневица были довольны: их выучка не подвела, все три претендентки оказались достойны места светицы!

Тем сложнее будет выбрать одну. Разве что, Боги укажут...

Костры угасали, и теперь девушки, встав на угли босыми ногами, должны были зачерпнуть ладонями огня, как воды, чтобы перенести его в пустующий походный светильник, установленный на груди теперь уже бывшей, мёртвой светицы, виновной в том, что светильник опустел.

Чиста замерла. Но не от волнения. Она обратила внимание на Петруса, второго архонта, с напряжением наблюдающего за этим ритуалом.

Дальше произошло странное. Пока всё внимание было приковано к светицам, несущим в ладонях огонь, второй архонт подошёл к тлеющим углям и тоже «зачерпнул» огня. На что он рассчитывал, непонятно, огонь был настоящий. Обожжённый, он тут же отпрыгнул с невольным вскриком. А Огневица покинув светиц, бросилась ему на помощь: сбивала искры с одежды, пыталась сквозь прорези в маске рассмотреть ожоги.

Это было уж совсем неуместно. Что отметила для себя и вернувшаяся Кора.

4

Петрус, несмотря на статус архонта, редко появлялся на людях. Ему не интересны были реальные живые люди, он предпочитал вращаться в мирах, невидимых обычным зрением.

Вот и сейчас он искренне восхищался способностью светлиц не испытывать боли. Именно над этим он сам сейчас работал. Именно с этим связаны были его мечты и надежды.

Стараясь всячески показать, что с ним не произошло ничего особенного, он подошёл к Пириту, оперся на его кресло, не обращая внимания на недовольство Кору. Более того, преподнёс в подарок брату клетку с прелестной игривой лаской. А когда приручённый зверёк к удовольствию Пирита уселся на его плече, притворно вздохнув, изрёк.

– Ну, вот, клетка освободилась!

Кора сделала вид, что шпилька была не в её адрес. Но не существовало других слов, способных доставить ей большую боль! Да, она всерьёз претендовала на роль настоящей жены Пирита. Но это не означало, что она перестала опасаться клетки. В любой момент, по капризу Пирита, её могла постигнуть участь этой ласки! Именно на это намекал Петрус!

Пирита смешило соперничество этих двоих за его внимание. Смешило, как они, каждый по-своему, пытались повысить свою ценность в его глазах и оттеснить другого. Петрус пока проигрывал, но Пирит пытался поддерживать баланс. Пока он считал разумным и выгодным равновесие.

Например, в данный момент именно появление Петруса реально спасло его от необходимости увильнуть от подступающих притязаний на него Кору.

Живя у Пирита, она не переставала расследовать детали странной гибели стриксов в небе Тагана. Ум и чуткость привели её к определённым открытиям.

Охранные звуки над Таганом, созданные Чистой, она обнаружила в первую же ночь, когда с разрешения Пирита, отправилась погулять. Камни со сквозными дырами, установленные определённым образом по отношению к дующему с моря ветру, издавали тонкие синие звуки. Этот нежный свирелевый свист вполне отвечал её грустно-лирическому настрою. Кора подозревала, что тогда, в ту самую ночь, именно он мог привести в замешательство воинов-стриксов, сбить их агрессию, стремление бороться за выживание.

Так, – думалось химере, – всё началось с летучей мышки, с задания, внедрённого в её голову этим горе-лекарем. А продолжилось обманом звука. Что ещё придумали проклятые таганы, чтобы погубить её народ? А она ещё испытывала чувство вины по отношению к таганам, сожалела, что её стриксы напали на них первыми. Теперь очевидность провокации сводила её с ума. Её жизнь, её свобода, её счастье с мужем – рухнули по вине людей! А счастья с Пиритом, как ни старайся – не добиться!

Кора жгуче ненавидела и Чисту, и Петруса. За свои разочарования, за свои так тягостно не сбывающиеся мечты. Но пока её собственное положение было не вполне устойчиво, приходилось соблюдать нейтралитет. И продолжать работать над «покорением» Пирита.

Именно сейчас, перед Петрусом, Кора продемонстрировала свою новую идею: «атакующий звук» (мысли об охранном звуке Чистой не прошли даром!).

Выбран был скрежещущий звук птичьего когтя по гладкой поверхности, сменяющий его же ночное постукивание. Бессонная ночь перед битвой – лучший тактический приём.

Пирит был в восторге от идеи и потребовал немедленной демонстрации новейшего оружия! Тогда к кобальтовому фризу на стене дворца подошел дряхлый слуга-стрикс со своими окаменевшими от времени когтями.

...Три девушки плывущей поступью, замерев в сумеречном трансе бережно несли в ладонях нежные лепестки пламени, когда раздалось грубое цоканье когтя по стеклу.

Оно не успело ещё смениться диким скрежетом, от которого сама Кора заткнула нежные ушки, как одна из девушек упустила огонь. Он скользнул по её крученому поясу, и вмиг вся она вспыхнула, как факел!

Таганы ахнули!

Но никто не посмел помочь несчастной спастись от огня. Таганы поклонялись огню, сама мысль бороться с ним – была для них невозможной!

Коре эта традиция таганов была ох, как понятна!

5

Походный светильник войска архонта Пирита вновь пылал восстановленным пламенем. Цена восстановления, два девичьих тела, расстрелянной и сгоревшей, словно возложение на жертвенник, была у всех перед глазами.

Меж тем, оставалось последнее, самое сложное испытание. Две девушки старались отводить глаза от сгоревшей подруги. Их путь продолжался теперь уже отдельно от неё, и им надо было беречь силы. Потому что даже водой им нельзя было себя подкрепить. Выбор должен состояться без посторонних вмешательств, выбор должен быть честным. Детский стишок, которым они со смехом развлекались только вчера, казался уже невозможно далёким.

В полной тишине подруги, ставшие соперницами, подошли к огромному камню, специально для этого случая притащенному на площадь упряжкой из нескольких быков.

Которой из них повезёт? А которая станет третьей жертвой на этом празднике?
Девушки встали по обе стороны от камня, и зрители замерли в ожидании.

Никто, кроме Чисты, не знал, что творилось в это время в головах потенциальных светиц. А они, уйдя из реальности, всей силой своего существа воображали себя ...Создателями! Только так можно было призвать ...похороненных по-птичьему таганов!

Только так, с помощью призванных предков, можно было поднять практически любую, даже немислимую тяжесть.

...Призванные таганы медленно, волей светиц, поднимались из своих могил и всё так же, с по-птичьими закинутыми назад головами, на вывернутых коленях, под сухой барабанный треск, выходили на площадь...

Первой, как всегда, шла Агния-синеножка... Её талант светицы, вспыхнув ярко, быстро отгорел. Она ушла в иной мир. Но по зову являлась.

За ней подтянулись другие...

Но видели их не все.

– Чиста, почему ничего не происходит? – Петрус осмеливался задавать вопросы лекарке только в присутствии Пирита. Так, по крайней мере, придурковатая старуха не рискнёт притвориться глухой.

– Происходит.

– Но почему ничего не видно?

– Всё не так, как выглядит, душа моя! Не верь своим глазам!

– Тебе легко говорить, у тебя ж нет глаз! – своей шутке Петрус посмеялся в одиночку.

– А тебе твои глаза мешают видеть главное, словно мускатный орех – блюду, приправленному благородным шафраном!

Если бы Петрус мог, он ударил бы старую хрычовку. Его бесили подобные сентенции. Ими она будто ставила его на место. Не грубила, не одёргивала. Но умела так всё обозначить, что сомнений, кто есть кто, не возникало.

– Так что, что же происходит? Расскажи, раз ты видишь! Правда, не понимаю, чем! Хо-хо!

Чиста вся была со своими девочками. Как же ей хотелось им помочь! Обеим, не выбирая! Хватит двух смертей! Но глупый мальчишка пристал, как мокрый лист! С ним нельзя

было ссориться. Но и рассказывать всего было нельзя. Как он удивился бы, если бы узнал, что по совету той самой Агнии-синеножки, что никогда не боялась брать на себя главную тяжесть, она, слепая Чиста, видит окружающее ...его собственными глазами! Он лекарь, и неплохой. Ей нужно его зрение. Поэтому ссориться с ним не с руки! Чиста не отрывала «незрячих» глаз от камня.

Петрус назло ей открыл рот, чтобы продолжить развлекаться вопросами, но тут единовременный «Ах!» толпы прервал его каприз. Камень двинулся!

Камень двинулся, хотя к нему никто не прикасался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.